

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕШЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1864. /

ЯНУАРИЙ — МАРТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

1864

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ГЕНВАРЬ — МАРТЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1864.

У

СМЪСЪ

ЗАПИСКА О КЕРЧИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Есть мѣсто въ мірѣ. почти совсѣмъ не извѣстное, или, лучше сказать, почти совсѣмъ забытое, но не менѣе того примѣчанія достойное. Въ семь мѣстѣ, кажется, какъ будто Европа и Азія ютятъ соединиться, и тѣмъ воспрепятствовать соединенію двухъ морей, Чернаго и Азовскаго. Кажется, какъ будто въ семь на-мѣревніи идутъ пространныя равнины, однѣ отъ подошвы Кавказа, а другія отъ подошвы горъ Таврическихъ, и тамъ, гдѣ бы вѣ почти сойтись, онѣ отдѣляются Босфоромъ Киммерійскимъ, или просто Босфоромъ, ибо Фракіійскій знаютъ гораздо болѣе подъ именемъ Константинопольскаго пролива. Такъ-то образуются два полуострова, Керченскій и Таманскій. Сіи послѣдніе предѣлы двухъ частей свѣта, раздѣленные природою, были нѣкогда соединены подъ однимъ правительствомъ и составляли одно Царство, не весьма обширное, но долго существовавшее и въ древнія времена весьма извѣстное по образованности и промышленности его жителей, по торговому и вмѣстѣ по воинственному духу, которыя въ нихъ сохранялись и выгодами ихъ положенія между морей и опасностями онаго, ибо со всѣхъ сторонъ были окружены многочисленными хищными варварами.

Тѣмъ, кои чтеніемъ почтять сію Записку, желаемъ мы вратцѣ пересказать все, что знаемъ объ древней исторіи и географіи сей земли, представить потомъ нынѣшнее положеніе ея, и объяснить, наконецъ, надежды наши на будущее ея благосостояніе. О давнопрошедшемъ почерпнули мы свѣдѣнія наши не

изъ Геродота, не изъ Страбона, Скилакса, или Перипла безыменнаго автора, не изъ де Боза, Вальяна, Кари, или Рауля-Рошета, которые въ новѣйшія времена объясняли древности Босфора: сихъ авторовъ не имѣли мы еще ни случая, ни возможности, достать; но мы слѣдовали тому, что читали въ сочиненіяхъ новѣйшихъ нашихъ соотечественныхъ авторовъ, которые ссылаются на вышесказанныхъ сочинителей, и тому, что слышали отъ Г. Бларамберга, почтеннаго и любезнаго археолога и нумизмата, который остатокъ дней своихъ посвятилъ ученымъ изысканіямъ о семъ краѣ, и все, что о томъ писано, знаетъ наизусть.

Иные сочтутъ, можетъ быть, бесполезнымъ знать то, что происходило здѣсь въ отдаленнѣйшія эпохи исторіи, тогда какъ прежнее положеніе сей земли не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ, когда протекли вѣка и все перемѣнилось въ мірѣ, когда открытіе Америки и новаго пути въ Индію и вообще успѣхи просвѣщенія дали новое направленіе торговлѣ. Сіе замѣчаніе, конечно, справедливо; но при видѣ обнаженныхъ степей, тамъ, гдѣ были храмы и вертоградъ, и безмолвіе иоглы, тамъ, гдѣ были жизнь и движеніе, да позволено намъ будетъ стараться возбудить участіе и вниманіе къ симъ опустѣвшимъ, нѣкогда цвѣтущимъ, мѣстамъ. Конечно, послѣ сдѣланнаго нами выше сего признанія, не станутъ подозрѣвать насъ въ намѣреніи щеголять ученостію, которой мы не имѣемъ.

Одна Греческая колонія, весьма извѣстная. Милеть, въ Іоніи, была уже за шестьсотъ лѣтъ до Рождества Христова довольно богата, сильна и многочисленна, чтобы самой основывать новыя колоніи. Она послала избытокъ своего населенія на Азіятской берегъ Босфора, а на Европейской другихъ поселенцевъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того: вотъ начала Фанагоріи въ Азій и Пантикапей въ Европѣ. Сіи два сосѣдственные, новорожденные города-близнецы, безъ зависти, безъ междоусобія, съ самаго начала бытія своего, стренились превзойти другъ друга въ успѣхахъ мореплаванія, торговли и въ военномъ искусствѣ, дабы защититься отъ окружающихъ ихъ Скивовъ. По примѣру другихъ городовъ праматери своей Греціи, они имѣли народное правленіе и по опредѣленнымъ временамъ избираемыхъ правителей, судей и воемачальниковъ, и цѣли въ тишинѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ

безызвѣстности. Сіе причиною было, что происшествія, ознаменовавшія первые годы ихъ существованія, и самое названіе правителей Пантикапей, не дошли до свѣдѣнія потомства; извѣстно только, что Фанагорія управлялась Археанактидами; но какія были границы ихъ власти, на сколько времени избѣрались они, сдѣлались ли ихъ права наконецъ наслѣдственными и когда? сего также не знаютъ. Достоверно то, что одинъ изъ сихъ Археанактидовъ, Спартакъ или Спартакосъ, управляя Фанагоріей десять лѣтъ, распространилъ, въ теченіи сего времени, власть свою и завоеванія, переплылъ чрезъ проливъ, овладѣлъ Пантикапеей, кою и назначилъ быть столицей, украсилъ вѣнцомъ чело свое, объявилъ себя царемъ и былъ основателемъ Царства Босфорскаго или Воспорскаго. Вѣроятно, имѣя духъ властолюбивый и предпріимчивый, онъ насильственно овладѣлъ Фанагорійцами, своими соотечественниками; но что Пантикапейцы недобровольно ему покорились, сіе доказывается ихъ защитою и его завоеваніемъ. Его царствованіе началось въ 439 году до Рождества Христова, и продолжалось 17 лѣтъ: десять въ Фанагоріи и семь въ Пантикапеехъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Селевкъ.

Съ сего времени Исторія Воспора дѣлается извѣстнѣе, сношенія съ Греціей становятся чаще и связи тѣснѣе. Діодору Сицилійскому обязаны первые владѣтели Воспора спасеніемъ именъ ихъ и дѣяній отъ забвенія. Не лзя сказать, чтобы владѣтели сіи мелькали только на престолѣ Воспорскомъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ царствовали болѣе сорока лѣтъ; но какъ не многіе отличаются особенными чертами характера, и царствованіе не многіихъ ознаменовано чрезвычайными происшествіями, то довольно будетъ сдѣлать имъ, такъ сказать, поименный списокъ, выбравъ потомъ изъ нихъ тѣхъ только, коихъ память дѣйстви-тельно заслуживаетъ быть сохранена.

Послѣ Селевка, втораго Царя Воспорскаго, былъ 3-й Спартакъ II-й, потомъ 4-й Сатиръ I-й, 5-й Левконъ, 6-й Спартакъ III-й, 7-й Перисадъ, 8-й Сатиръ II-й, 9-й Притайъ, 10-й Эвмилъ, 11-й Спартакъ IV. Всѣ сіи Цари династіи Спартака I-го. Изъ нихъ имя Левкона останется навсегда извѣстнымъ во Демосееновой рѣчи противъ Лемнина, гдѣ онъ называетъ его благодѣтельнымъ другомъ Аѣннской Республики. Онъ имѣлъ

право гражданства въ Аѳинахъ, и увѣряють, что въ Пантикавепъ былъ воздвигнутъ мраморный столбъ, на коемъ былъ начертанъ дружественный союзъ Левкона съ Аѳинянами. Сей Царь былъ законодательнъ Воспора и распространилъ его предѣлы, завоевалъ древнюю Феодосію, которая была верстахъ въ 40 на западъ отъ нынѣшней. Онъ велъ значительный торгъ мѣломъ съ Греціей, и, по словамъ Страбона, изъ одной Феодосіи вывезено въ Аѳины, въ царствованіе его, миллионъ сто тысячъ мединаго жита, то есть, 550 т. четвертей.

Перисадъ царствовалъ долго, счастливо и мудро, и по смерти своей подданными своими былъ сопричтенъ къ соиму боговъ. Онъ оставилъ престолъ тремъ сыновьямъ своимъ, выше сего поименованнымъ, Сатиру II-му, Притану и Эмилу. Изъ нихъ меньшій былъ честолюбивый властелинъ, искусный воинъ и тиранъ кровожадный. Онъ, съ помощію варваровъ, воевалъ противъ братьевъ своихъ, кои, одинъ послѣ другаго, пали въ битвахъ, овладѣлъ престоломъ и, не довольствуясь смертію ихъ, обагрился кровію ихъ женъ, дѣтей и приверженцевъ. Но онъ царствовалъ искусно, славно и мечталъ о покореніи всѣхъ береговъ Чернаго моря, когда испуганные кони опрокинули его изъ колесницы и убили его. Эмилу наслѣдовалъ сынъ его, Спартакъ IV, послѣ коего Исторія Воспора дѣлается неизвѣстною на 160 лѣтъ отъ потерянныхъ мѣстъ въ Диодорѣ. Послѣдній Царь Спартакова роду, другой Перисадъ, со всѣхъ сторонъ гѣснимый варварами, добровольно уступилъ престолъ свой великому Митридату, Царю Понтскому, который къ наслѣдственнымъ владѣніямъ, присоединивъ многія земли вдоль по восточному берегу Чернаго моря, сдѣлался близкимъ сосѣдомъ Воспора.

Царствованіе Митридата, можно сказать, дѣлится на двое Исторію сего края. До него Государство сіе, хотя и не было обширное, но пользовалось политическою независимостію, которую послѣ него утратило при его преемникѣ, и хотя долго еще называлось Царствомъ, но дѣйствительно было не что иное, какъ Римская Провинція.

Митридатъ Евпаторъ, шестый въ Понтѣ и первый по имени въ Воспорѣ, былъ, какъ извѣстно всѣмъ, кто знаетъ Исторію, мощный и лютый врагъ Рима. Послѣ сорокалѣтней съ нимъ

борьбы, побѣжденъ будучи Помпеемъ въ Малой Азіи, онъ бѣжалъ въ Воспорскую свою столицу, съ новыми замыслами противъ ненавистнаго ему народа. Отсюда хотѣлъ онъ предпринять походъ чрезъ Скиѳію и Паннонію, побѣждая, или увлекая съ собою, всѣ, встрѣчающіяся ему, дикія племена, и уже мысленно грозилъ истребленіемъ державному, вѣчному граду; но здѣсь судьба положила предѣлъ его жизни и славы. Счастіе, подданные и дѣти, все ему измѣнило: первая Фанагорія возстала противъ побѣжденнаго героя, за нею Херсонъ, Феодоссія, Нимфея, отложившись отъ него; наконецъ въ Пантикапееѣ, однимъ утромъ, при восхожденіи солнца, увидѣлъ онъ съ горы, доселѣ носящей его имя и гдѣ стояли чертоги его, въ нижней части города мятежное войско свое подъ предводительствомъ Фарнака, своего сына. Тогда рука одного любимца изъ состралямія избавила его отъ жизни

Сіе происшествіе, прославившее то мѣсто, на которомъ теперь живемъ и пишемъ, случилось въ 65-мъ году до Рождества Христова.

Тѣло Митридата, посланное отцеубійцею, Фарнакомъ, въ даръ Помпею, было съ честію предано землѣ въ Синопѣ, Понтской его столицѣ, а Фарнакъ утверждёнъ Помпеемъ на престолѣ Воспорскомъ. Но пользуясь возникшими потомъ междуособіями въ Римѣ, онъ овладѣлъ и Понтомъ; вскорѣ же потомъ Юлій Кесарь, явившись, послѣ Фарсальской битвы, въ Малой Азіи, заставилъ бѣжать его въ Пантикапеею, гдѣ, оставленный имъ на мѣстникомъ, Асандръ, встрѣтилъ его кинжаломъ, и вмѣсто его воцарился.

Владычество Асандрово было продолжительно, съ начала подъ названіемъ Этнарха, а потомъ Царя, всего 34 года, отъ 40-го до 6 года до Рождества Христова. Но оно съ начала было потревожено Митридатомъ II-мъ Пергамскимъ, коего Юлій Кесарь, наименовавъ Царемъ Воспорскимъ, послалъ противъ Асандра, а сей побѣдилъ его. Послѣ же того, умѣвъ угодить Августу, Асандръ былъ утверждёнъ имъ въ Царскомъ достоинствѣ. Наконецъ, узнавъ, что Скрибоній посланъ Августомъ начальствовать надъ войсками въ Воснорѣ, лишилъ себя жизни голодомъ, какъ утверждаютъ, но вѣроятіе умеръ отъ старости, ибо ему было за 90 лѣтъ.

Прибывъ въ Воспоръ, Скрибоній женился на Динамисъ, вдовѣ Асандра и сестрѣ Фарнака, и объявилъ себя Царемъ. Агриппа, бывшій тогда въ Малой Азій, послалъ противъ него Полемона, Царя части Понта и Малой Арменіи и сына Ритора Зенона. Скрибоній былъ умерщвленъ прежде прибытія Полемона, а сей послѣдній встрѣтилъ сопротивленіе и долженъ былъ побѣдить его.

По смерти Полемона, шестаго Воспорскаго Царя по Митридатѣ II-мъ и Скрибонія, были слѣдующіе Цари, извѣстные только по оставшимся медалямъ: 7-й Савроматъ I-й, 8-й Гепанрисъ, супруга предшествующаго, 9-й Рискупоръ I-й, 10-й Полемонъ II. Сей-то послѣдній, возведенный на престолъ Калигулою, долженъ былъ, по повелѣнію Клавдія, уступить его 11-му Митридату III-му, потомку Великаго, который, прибывъ въ Воспоръ, нашелъ тронъ свой уже занятымъ 12-мъ Котисомъ I-мъ, братомъ своимъ.

Вотъ продолженіе списка сихъ Царей:

13-й Рискупоръ II-й, при Домиціанѣ, въ 83-мъ году по Рождествѣ Христовомъ.

14-й Савроматъ II-й, при Андріанѣ.

15-й Котисъ II-й, тоже при Андріанѣ, который, изъ особеннаго къ нему благоволенія, подчинилъ ему Херсонъ и другія мѣста въ Тавриді.

16-й Римиталкъ, тоже при Андріанѣ, въ 132 году по Р. Х. По смерти сего Императора онъ былъ изгнанъ

17-й Эвпаторомъ, Антонинномъ на царствѣ утвержденнымъ

18-й Савроматъ III-й и
19-й Рискупоръ III-й } при Коммодѣ.

20-й Котисъ III-й, при Каракаллѣ и Гетѣ.

21-й Котисъ IV-й.

22-й Интимій, при Александрѣ Северѣ.

23-й Рискупоръ IV-й, при Гордіанѣ, Филиппѣ и до Юліана.

24-й Тираниъ, при Пробѣ.

25-й Тоторсъ, при Диоклитіянѣ, слѣдственно, уже въ концѣ третьяго столѣтія по Р. Х.

Сверхъ сихъ владѣтелей Воспора, выше поименованныхъ, и послѣдующихъ, можно почитать Губернаторами, чѣмъ Царями. Царствованіе большей части изъ нихъ извѣстно только по медалямъ, въ великомъ множествѣ отрываемымъ близъ мѣстъ, коими они управляли. На одной сторонѣ видно изображеніе современнаго Императора, а на другой владѣльца Воспорскаго, съ надписью: иногда Архонтось, иногда Василевсъ, то есть, Старѣйшина или Царь. Въ самыхъ посланіяхъ своихъ Императоры Римскіе называли ихъ *Regulus*, уменьшительное *Regis*, то есть, Корольками. Однимъ словомъ, ихъ можно примѣнить къ Ханамъ Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ, утверждаемыхъ нашимъ Государемъ, и кои въ Омскѣ, или Оренбургѣ, украшаются богатыми одѣяннень, шапкою и саблею, отъ нашего Двора имъ даруемыми; или къ малозначущимъ Князьямъ, коихъ чрезъ каждыя семь лѣтъ Порта посылаетъ управлять малозначущими народами, Молдавскимъ и Валашскимъ, и коимъ, при отправленіи, вручаются отъ Султана шубы, кука и топузь.

Кажется, въ продолженіи сего времени городъ Пантикапея утратилъ имя свое. Пролить, Царство, на нею стоящее, и столица его, все получило общее названіе Воспора. Фанагорія превратилась въ Таматархію, уже поздно, при Византійскихъ Императорахъ.

Около того же времени началось страшное явленіе въ мірѣ, вооруженное переселеніе дикихъ народовъ Сѣвера и Востока на Югъ и Западъ. Еще въ началѣ втораго столѣтія по Р. Х. Аланы двляются на сѣверной сторонѣ Кавказа и покоряютъ Воспоръ и Таврію, но вскорѣ потомъ вытѣсняются Готами, около половины сего столѣтія. Какъ Воспоръ былъ въ числѣ крайнихъ предѣловъ великой Имперіи сей стороны, то первый онъ долженъ былъ принимать удары ей, наносимыя варварами. Но какъ первыя сіи вторженія можно почитать одними набѣгами: побѣдители столь же быстро удалялись, какъ и приходили, и нигдѣ власти своей прочно не основывали, то земли сіи совершенно не разорялись, и Царьки могли опять, подѣ щитомъ Рима, про-

должать свое владычество. Весьма жаль, что подробности сихъ нашествій въ Исторіи не сохранились.

Но возвратимся къ Воспорскимъ Царямъ и окончимъ списокъ ихъ.

26-й Савроматъ IV-й, при Діоклитіянѣ, имѣлъ духъ завоевательный и, побѣдивъ Лидовъ въ Колхидѣ, дошелъ до границъ Царства Лидійскаго, гдѣ былъ встрѣченъ Кесаремъ Констансомъ Хлоромъ, который не могъ побѣдить его, а довольствовался обороною. Между тѣмъ Протевоу города Херсона, Христось, по повелѣнію Діоклитіяна, собравъ войско, пошелъ къ Воспору, завоевалъ оный и не прежде оставилъ, какъ по отступленіи Савромата и заключеніи міра его съ Имперією.

27-й Савроматъ V-й, внукъ предыдущаго, желалъ отомстить Херсонцамъ за дѣда, но былъ разбитъ ими при урочищѣ Каффа, вѣроятно, тамъ, гдѣ нынѣшняя Феодосія.

28-й Рискупоръ V-й, извѣстенъ по медалямъ съ изображеніемъ Константина Великаго

29-й Савроматъ VI-й, велъ войну съ Херсонцами и предложилъ Протевоу ихъ, Фарнаку, единоборство, который, согласясь, употребилъ хитрость, чтобы убить его. Послѣ того побѣдитель отпустилъ побѣжденныхъ Меотійцевъ Сарматовъ по домамъ, а Воспорянь заключилъ въ узы, и границу, прежде бывшую въ Каффѣ, отдалилъ до какого-то Каверника, то есть, версть на сорокъ.

Съ симъ Савроматомъ, кажется, кончается Воспорское Царство. Еще открываются по медалямъ нѣсколько Царей, Рискупоровъ, челоуѣка два, три, Ареанвесь и наконецъ Радамеадъ, коего самое существованіе возрождаетъ споры между учеными археологами. Главное—знать участь Воспора: имъ въ концѣ четвертаго столѣтія овладѣли Гунны и совершенно его разорили.

Черезъ полтора ста лѣтъ, побѣды полководцевъ Императора Юстиніана, возвративъ Тавриду и Воспоръ Восточной Имперіи, возвратили и къ нимъ тѣнь благоустроеннаго правленія. Юстиніанъ возобновилъ укрѣпленіе городовъ и сдѣлалъ новыя крѣпости: Герзавиту (нынѣшній Гурзуфъ), Алустонъ (нынѣшнюю Алу-

шту) и Лашпась (нынѣшній Кучюкь-Лашпадъ); все сіе не надолго; одни варвары смѣнялись другими и довршали разореніе сей благословенной и несчастной страны. Воспоръ исчезнулъ навсегда, и чрезъ нѣсколько вѣковъ онъ долженъ былъ опять возродиться, но только уже подъ другимъ названіемъ, воскресенный невѣстнымъ до того еще народомъ Русскимъ.

Окончивъ, такимъ образомъ, краткое историческое изображеніе древняго Воспора, слѣдуетъ, кажется, приступить и къ географическому его описанію, столько, сколько свѣдѣній нашихъ на то достанетъ.

Полуостровъ Керченскій должно считать отъ перешейка, (впрочемъ, не очень узкаго, ибо имѣетъ 30 верстъ ширины), который идетъ отъ Каффы, нынѣшней Феодосіи, до Арабата, гдѣ начинается коса пли стрѣлка сего имени. Сіе мѣсто было, кажется, постоянною границею Воспорскаго Царства на западъ, и Асандръ укрѣпилъ его стѣною, коей остатки и по нынѣ видны. Отсюда полуостровъ идетъ до пролива безъ малаго верстъ на сто, ширины же имѣетъ во многихъ мѣстахъ болѣе шестидесяти. Въ семь-то заключается Европейско-Воспорское владѣніе: нѣкоторые изъ Царей владѣли и Феодосіей, также Милетинцами основанной колоніей, и отъ нынѣшней Феодосіи на западъ лежащей; иные же простирали свои завоеваніе до рѣки Тансиса, нынѣшняго Салгира, но не далѣе: все это не болѣе, какъ верстъ на двѣсти во внутрь земли отъ Пантикапея.

Азіятскія владѣнія Воспора были пространнѣе и занимали почти всѣ земли между Палюсомъ Меотійскимъ, нынѣ Азовскимъ моремъ, и Кубанью, тогда называвшеюся Гипанисомъ, то есть, всю нынѣшнюю землю Черноморскихъ Козаковъ. Говорятъ, что Воспору принадлежали на Азовскомъ морѣ, также Греками населенные города: Гермонасса и Діоскурія, но сіе не достовѣрно; Таца же или нынѣшній Азовъ никогда въ его владѣніи не былъ.

Древнѣйшіе обитатели сихъ странъ были Киммеріане, одно и то же съ Цимбрами, Кимбрами или Кимврами, извѣстными во времена Римской Республики. По мнѣнію Г. Муравьева-Апостола, Кимвровъ назвали Греки Киммеріанами, портя или поправляя пріятнѣйшими для нихъ слуха звуками названія чуждыхъ имъ на-

родовъ, городовъ и людей. Изъ того онъ выводитъ заключеніе, что и Крымъ или Крымъ, есть не что иное, какъ Татарами испорченное слово Кимвръ или Кимръ. Дѣйствительно, не лзя названію Крыма сыскать другого происхожденія.

Киммеріане были отсюда въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х. изгнаны Тавро-Скиѣами или горныи Скиѣами, которые по тому и дали имя Тавриды всему полуострову Крымскому. Знающіе же древніе Восточные языки утверждаютъ, что и по нынѣ въ Азии Тавромъ называютъ всякую цѣпь огромныхъ горъ, и что гора по Ассирійски называлась Тоира, по Халдейски Тиру и по Сирійски Туро.

Сии варвары, съ коими поселившися посреди ихъ Грекамъ часто приходилось сражаться, не были, однако же, кочующими и совершенно чуждыми искусству зодчества.

Основанные ими города, коими послѣ Греки овладѣли, удивляли огромностію своихъ зданій. До нынѣ еще видны основанія ихъ; они составлены изъ камней ужасной величины, такъ что можно сомнѣваться, чтобъ сіе было не твореніе природы, а рукъ человѣческихъ, если бъ они не были правильно положены и обтесаны. Г. Бларамбергъ называетъ сіе Циклопскою или Гигантскою работою, совершенно отличною отъ произведеній позднѣйшихъ временъ архитектуры, коихъ здѣсь также много находится остатковъ. Все Греческое прельщаетъ легкостію, красотою, вкусомъ, всѣ же творенія сихъ великановъ изумляютъ огромностію массъ.

Весь Керченскій полуостровъ есть плоская равнина; не доѣзжая Керчи только верстъ за двадцать начинается цѣпь маленькихъ холмовъ, постепенно возвышающихся къ проливу и оканчивается Митридатовой горой, величайшей изъ сихъ холмовъ и выходящей мысомъ въ самый проливъ. Полуостровъ сей былъ весь населенъ, какъ думать должно, но нѣтъ ни одного извѣстнаго мѣста, ни внутри онаго, ни по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей: всѣ города тѣснились около пролива. Причиной сему полагать должно то, что Греки первоначально здѣсь основали свои жилища, и потомъ распространили свои владѣнія; другая причина,

что мѣсто сіе издревле изобильно было лѣсомъ и родниками лучшей воды, въ чемъ далѣе чувствуютъ недостатокъ.

Вотъ названія примѣчательнѣйшихъ мѣстъ, о коихъ говоритъ Геродотъ, Скилаксъ и Страбонъ весьма подробно, означая даже разстояніе одно отъ другаго:

1-е. Цитея или Скиѳея, на самомъ Черномъ морѣ, близъ теперешней Апухъ горы, въ 45-ти верстахъ отъ Керчи. Сей городъ былъ построенъ Скиѳами, какъ имя его показываетъ. Есть теперь остатки фундамента сего города и въ горы пространныя пещеры, гдѣ были гробницы его жителей.

2-е. Киммериконъ по Гречески, Циммерікумъ по Латыни, въ 17-ти верстахъ отъ Керчи, на проливѣ, близъ теперешняго селенія Камышъ-Бурну. Построенный Киммеріянами, остатки его, равно какъ и Скиѳея, суть громады скалъ, какъ бы волшебною силою порядкомъ положенныя. Планы сихъ городовъ сняты и начертаны Г. Бларамбергомъ.

3-е. Нимфея, любимое мѣсто Митридата, но въ которомъ онъ не окончилъ жизни, какъ тѣ, кои читали Расинову трагедію, его имя носящую, подумать могутъ. Остатки, то есть, основанія города его, видны въ 7-ми верстахъ только на полдень отъ Керчи, на горѣ, надъ старымъ Карантиномъ, изъ коего, въ началѣ сего 1827 года, переведенъ Карантинъ въ новое строеніе.

4-е. Пантикапея, нынѣшняя Керчь. О семъ городѣ будемъ говорить подробнѣе при описаніи теперешняго его состоянія.

5-е. Мирмикіонъ, то есть, Муравейникъ, въ 4 верстахъ отъ Керчи на сѣверъ. Это было самое промышленное мѣстечко въ Воспорѣ: тутъ были всѣ ихъ фабрики, мануфактуры, и по трудолюбію жителей оно названо муравейникомъ. Нынѣ построенъ на семъ мѣстѣ новый Карантинъ.

6-е. Гераклеонъ или Иракліонъ. Тутъ не былъ настоящій городъ, а только храмъ Геркулесовъ и около него священная ограда, внутри коей и внѣ ея были жилища: полагать должно, что сіе было посады, какъ нынѣ въ Сергіевской Лаврѣ и въ другихъ монастыряхъ сіе встрѣчается. Воспо-

ряне, будучи въ необходимости часто сражаться, изъ всѣхъ боговъ язычества поклонялись болѣе двумъ героямъ-полубогамъ, Геркулесу и Ахиллу, ихъ имя призывали на помощь въ бояхъ и ихъ заступленію приписывали побѣды надъ врагами.

7-е Портеміонъ, или врата Меотійскія, городокъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Еникале, въ 10-ти верстахъ отъ Керчи и въ 6 отъ новаго Карантина. Тутъ вѣзжаютъ въ Азовское море и тутъ самое узкое мѣсто Босфора.

Древніе историки и географы съ такою точностію означили мѣста, гдѣ существовали города сіи, что съ Страбономъ въ рукахъ и считая по пяти стадій на версту, легко отыскать ихъ остатки. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ по ихъ описанію должны быть заливы и бухты, воды отъ береговъ удалились и нынѣ остались соляныя озера.

На Азіятской сторонѣ извѣстны два слѣдующіе города:

8-е Фанагорія, о коей часто упоминается въ сей Запискѣ: нынѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ея существованія и ея мѣсто занялъ городъ Тамань. Въ двухъ верстахъ же отъ него построена Суворовымъ крѣпость, которой, изъ уваженія къ древности, дано имя Фанагорійской.

9-е Ахиллея, маленькій городъ при устьѣ или лиманѣ Гипаниса, вѣроятно, на томъ мѣстѣ, или близъ мѣста, гдѣ нынѣ Бугазскій Мѣновый Дворъ съ Черкесами. Городъ сей, по набожности Воспорянъ къ Ахиллу, о коей мы выше упомянули, былъ названъ его именемъ.

Въ числѣ народовъ, поработившихъ описываемую нами страну, одинъ народъ мужественный, многочисленный, сильный, на нѣсколько вѣковъ утвердилъ въ ней свое владычество. Хозары или Козары, соплеменные съ Турками, уже гораздо прежде того извѣстные своими походами въ Арменію, Иверію, Мидію, въ началѣ седьмаго столѣтія, пройдя Кавказъ, быстро распространили свои завоеванія отъ устья Волги до Днѣстра, отъ Каспійскаго до Чернаго моря, и основали, подъ управленіемъ своихъ Кагановъ, могущественное, знаменитое царство, въ составъ коего вошла и Таврида. Все сіе пространство земли, и въ особенности

Крыгъ, получили названіе Хозарин. Сосѣдственныхъ же съ ними Славянь Хозары обложили данью.

Черезъ триста лѣтъ послѣ того, около 965 года по Рождествѣ Христовѣ, сіи самыя данники, Славяне, подъ названіемъ уже Русскихъ и подъ предводительствомъ Князя своего, Святослава, героя древнѣйшихъ временъ Россіи, побѣдили Хозаровъ, взяли столицу ихъ, Саркель или Бѣлую Вѣжу на Дону, разбили потомъ Ясовъ и Косоговъ, какъ полагають, Осетинцовъ и Черкесовъ, и покорили всѣ владѣнія Хозарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, въ томъ числѣ Таматархію, древнюю Фанагорію.

Владиміръ, Великій и Святый сынъ Святослава, принявъ Христіанскую вѣру и былъ крещенъ сихъ мѣсть въ древнемъ Херсонѣ, все еще оставшемся подвластнымъ Восточнымъ Императорамъ. Получивъ Таматархію съ лежащими окрестъ ея землями въ наслѣдство отъ отца, онъ передъ смертію, при раздѣленіи своихъ владѣній между двѣнадцатью сыновьями, отдалъ ее въ удѣлъ храбрѣйшему изъ нихъ, Мстиславу.

Мстиславъ Владиміровичъ, прозванный храбрымъ и удалымъ, былъ первымъ Княземъ Таматархскимъ или (какъ Русскіе по своему переимачили) Тмутараканскимъ. Имя сего витязя славно въ нашихъ лѣтописяхъ: онъ помогъ Греческому Императору, въ 1016 году, отнять у Хозаровъ Тавриду, и тѣмъ сокрушить и уничтожить навсегда ихъ Царство. Потомъ воевалъ онъ съ Косогами, въ единоборствѣ побѣдилъ Князя ихъ, Редедю, сильнаго великана, и овладѣлъ его землями. Наконецъ, недовольный малостію своего удѣла, или, можетъ быть, скучая праздностію, собралъ подвластныхъ ему Хозаровъ, Грековъ, Черкесовъ и Косоговъ и пошелъ войною на старшаго брата своего, Великаго Князя Ярославъ, тогда всей Россіей владѣвшаго. Покоривъ Черниговъ и одержавъ послѣ того побѣду надъ братомъ у города Листвена, заключилъ съ нимъ миръ, по коему они раздѣлили Государство пополамъ, и Днѣпръ служилъ границею ихъ владѣній. Проживъ потомъ въ мирѣ и согласіи съ братомъ еще 10-ть лѣтъ, онъ умеръ въ 1036 году бездѣтенъ.

Послѣ кончины Ярослава (въ 1054 году), Тмутаракань и Веспорь достались въ удѣлъ одному изъ сыновей его, Святославу, Князю Черниговскому. По отдаленности, поручилъ онъ управленіе сей области сыну своему, Глѣбу Святославичу.

Но въ 1064 году молодой Ростиславъ Владиміровичъ, сынъ Владиміра, умершаго прежде отца своего, Великаго Князя, Ярослава, и не получившій ни какого удѣла, рѣшился вооруженной рукою приобрѣсть оный, и безъ большаго сопротивленія овладѣлъ Тмутараканью. Его отважность и побѣды надъ Горскими народами устрашили коварныхъ Грековъ, съ помощію же Русскаго Князя, не задолго предъ тѣмъ Тавридою овладѣвшихъ: одинъ изъ нихъ, по имени Котопанъ, вкравшись въ его довѣренность, отравилъ его ядомъ. Исторія описываетъ сего юношу красивымъ, храбрымъ и добродушнымъ, и его безвременная кончина была несчастіемъ для Россіи.

Призванный потомъ опять жителями Тмутараканской области Черниговскаго Князя, Глѣбъ Святославичъ, прежде ею управлявшій, сдѣлался ея отдѣльнымъ Княземъ.

Получивъ потомъ Княжество Новгородское, Глѣбъ, въ 1077 году, уступилъ Тмутаракань другому брату своему, Роману Святославичу.

Въ половинѣ сего одиннадцатаго столѣтія вышелъ изъ Азій одинъ народъ, коего имя дотолѣ было не извѣстно, но останется долго памятнымъ въ нашей исторіи, по бѣдствіямъ, имъ Россіи причиненнымъ. Половцы или Команы, по мнѣнію покойнаго Карамзина, единоплеменные съ нынѣшними Киргизами и другихъ варваровъ превосходящіе жестокостію, вѣроломствомъ и безобразіемъ, заняли берега Чернаго моря. Сихъ варваровъ нанялъ выше именованный Князь, Романъ Святославичъ, чтобы ити войной противъ дяди своего, Великаго Князя Всеволода: они заключили миръ со Всеволодомъ и на обратномъ пути умертвили Романа. Тогда Великій Князь прислалъ управлять Тмутараканью Намѣстника своего, Ратибора.

Вскорѣ потомъ два молодыхъ Князя, Давидъ Игоревичъ и Володаръ Ростиславичъ, изъ коихъ первый внукъ Великаго

Ярослава, а послѣдній правнукъ, будучи сынъ Князя Тмутараканскаго, Ростислава Владиміровича, Греками отравленнаго ядомъ, пришли завоевать сію область и овладѣли ею.

Ихъ княженіе также было непродолжительно: третій изъ Святославичей, Олегъ, долго находившійся въ плѣну у Грековъ на островѣ Родосѣ, съ помощію ихъ, возвратился въ Тмутаракань, изгналъ Князей Давида и Володаря, отмстилъ за смерть брата своего, Романа, и получилъ область сію по наследственному праву. Всѣ сіи происшествія были отъ 1078 до 1084 году.

Черезъ десять лѣтъ послѣ того, Олегъ Святославичъ, коего гордость и властолюбіе столь извѣстны въ исторіи, взявъ въ помощь Половцевъ, пошелъ съ ними противъ двоюроднаго брата своего, Владиміра Всеволодовича Мономаха, который княжилъ тогда въ Черниговѣ. Сей миролюбивый герой, дабы избавить отечество отъ междоусобія и ужасовъ войны съ Половцами, добровольно уступилъ ему Черниговъ, а самъ переѣхалъ въ Переяславль. Съ тѣхъ поръ Олегъ какъ будто забылъ Тмутараканское свое Княжество, вѣстѣ съ другими Русскими Князьями велъ кровопролитныя войны противъ Половцевъ, и когда въ 1111 году одержана Русскими надъ ними знаменитая побѣда, то ничего уже о Тмутаракани болѣе не упоминается, самое имя ея исчезаетъ въ Русской исторіи: кажется, еще прежде того городъ сей уже сдѣлался добычей Половцевъ.

И такъ безъ малаго полтораста лѣтъ Князья Русскаго племени владѣли сею страню. Ихъ было всего шесть поколѣній: 1-й Святославъ, 2-й Св. Владиміръ, 3-й Мстиславъ и Ярославъ Владиміровичи, 4-й Святославъ Ярославичъ, 5-й Ростиславъ Владиміровичъ, Давидъ Игоревичъ и Глѣбъ, Романъ и Олегъ Святославичи, всѣ пятеро внуки Ярослава, и 6-й Володаръ Ростиславичъ, правнукъ его.

Прошли вѣка, имя Тмутаракани и дѣянія ея Князей сохранились въ исторіи нашего отечества, но долго, очень долго, не знали у насъ даже мѣста, гдѣ существовали городъ и Княжество сего имени. Писатели наши терлись въ догадкахъ; наконецъ, весьма недавно одинъ нечаянный случай рѣшилъ сію историческую задачу. Мраморная плита необыкновенной дѣлны лежала

въ Тамани у дверей казармы Черноморскихъ Козаковъ и служила ступенью для входа въ нее: никто не обращалъ вниманія на высѣченную на ребрѣ ея надпись. Одинъ любопытный взоръ открылъ Русскія литеры, началъ разсматривать прилежнѣе и нашелъ то, чего тщетно дотолѣ искали. Надпись все объяснила; она нижеслѣдующая:

Въ лето г. ф. о. г. ѿд. г. Глѣбъ Кнѣзь мѣрилъ ѿ по лѣдѣ ѿ Тмѣторокана до Кърчева л и д. саж.

Слѣдственно, въ 6576 году отъ сотворенія міра и въ 1068 отъ Рождества Христова, и разстояніе точно то, что оно отъ Тамани до Керчи и по нынѣ, ровно 30 верстъ.* Сія надпись подаетъ поводъ думать, что городъ Кърчевъ построенъ предками нашими на развалинахъ или изъ развалинъ упавшей и забытой Пантикапей. Самое названіе его имѣетъ что-то Русское и похоже на Корчеву въ Тверской Губерніи.

Столь счастливо найденная плита разсмотрѣна многими учеными, признана законною и положена съ честью въ Таманской Соборной церкви.** Не оставалось и тѣни сомнѣнія о мѣстѣ, гдѣ была Тмутаракань, и даже снѣгъ именей названъ городъ Тамань на многихъ иностранныхъ картахъ, съ тѣхъ поръ изданныхъ. Впрочемъ, удивительно только одно то, какъ сіе прежде не могло войти никому въ голову, какъ можно было полагать Тмутаракань на Окѣ, когда цѣлый рядъ ея Князей всегда дѣлалъ союзы, или воевалъ, съ народами, обитавшими, какъ достовѣрно извѣстно, на Кавказѣ и на берегахъ Днѣпра, Дона и Азовскаго моря.

Кажется, послѣ всего вышесказаннаго, есть ли какая возможность сомнѣваться въ томъ, чтобы Воспорское Царство и Княжество Тмутараканское не были одно и то же, и чтобъ найденный камень не былъ дѣйствительно драгоценный остатокъ нашихъ древнихъ временъ? Утверждаютъ, однако же, что одинъ изъ

* Другіе читаютъ ѿд, т. е., 1054 саж. О. Б.

** Нынѣ въ Керченскомъ Музеѣ. См. «Исслѣдованіе Тмѣтороканскаго камня съ Русскою надписью, Грегорія Спасскаго. Спб. 1844 г. О. Б.

вѣстный нашъ писатель, Г. Свинынъ, извѣстный по разнообразнымъ твореніямъ своимъ на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ, по многократнымъ путешествіямъ, по мореплаваніямъ, Дипломатическимъ миссіямъ, журналамъ, рисункамъ, картинамъ, по изданіямъ своихъ и чужихъ сочиненій, по всеобщимъ своимъ познаніямъ, что сей ученый мужъ, художникъ, воинъ и законодатель, отвергаетъ сію истину, и что гдѣ-то сказалъ онъ, написалъ, или напечаталъ, что Тмутараканскій камень есть подложный.

Всѣ тѣ, кои, подобно намъ, видѣли сей камень и его надпись, могутъ утвердительно сказать, что онъ имѣетъ всѣ признаки древности. А между тѣмъ опасаться должно, что мнѣніе Г. Свинына, такъ давно и такъ справедливо заслужившаго довѣренность читающей публики, вовлечетъ всѣхъ въ заблужденіе, въ которомъ самъ находится, что совсѣмъ объясненная историческая истина опять сдѣлается загадкой, и мы опять пошли съ Гг. Татищевымъ и Свинынымъ искать Тмутаракани около Муромъ и Рязани.

Со всѣмъ уваженіемъ, которое имѣемъ къ познаніямъ Г. Свинына, не столь глубокимъ, сколь иногороднымъ, осмѣлимся ему замѣтить, что всякій обманъ долженъ быть сдѣланъ съ какимъ ни будь намѣреніемъ: а какое тутъ можно видѣть намѣреніе? Нѣтъ, мы не дошли еще до такой тонкости, чтобы составлять каменные фальшивые документы, и для того единственно, чтобъ доказать древнее право наше на владѣніе уголкою земли, который у насъ никто не оспариваетъ, о которомъ большая часть нашихъ соотечественниковъ даже и не знаетъ, и тогда, какъ вездѣ лучшія права наши суть могущество Россіи и сила ея оружія.

Но оспаривая Г. Свинына, мы бросили Тмутаракань въ руки у нечестивыхъ Половцевъ; возвратимся же къ нимъ. Не долго и симъ гнуснымъ варварамъ досталось терзать сію прекрасную землю; участь всей нынѣшней Югозападной Россіи была, безпрестанно переходить изъ рукъ въ руки.

Страшная гроза собралась на Востокъ, оттуда прошла она на Западъ съ ужасною быстротою, разрушая многія древнія Азіатскія Царства; здѣсь разразилась она, и чрезъ нѣсколько лѣтъ распространила опустошенія свои по всему нашему Отечеству. Славный завоеватель, Чингизъ-Ханъ, основалъ сильное

Монголо-Татарское Царство; сынъ и преемникъ его, Октаи, слѣдуя его примѣру, послалъ племянника своего, Батыя, искать новыхъ побѣдъ на сѣверъ и западъ Каспійскаго моря. Тутъ встрѣтилъ сей послѣдній всегдашнихъ враговъ нашихъ, Половцевъ. Несмѣтное число воиновъ Батыя ихъ устрасило, и они сообщили свой ужасъ сосѣдственнымъ Князьямъ Южной Россіи. Соединивъ силы свои съ Половцами, сіи Русскіе Князья пошли искать Татаръ, встрѣтили ихъ не подалеку отъ сихъ мѣстъ, и знаменитая съ ними битва при рѣчкѣ Калкъ (въ нынѣшнемъ Мелитопольскомъ уѣздѣ, немного на западъ отъ Маріуполя), въ 1224 году, истребила самое имя Половцевъ, и была для Россіи первымъ изъ тѣхъ жестокихъ ударовъ, которые въ послѣдствіи времени едва ее не сокрушили.

Свирѣпый Батый, тогда удалившійся, спустя нѣсколько лѣтъ, воротился опять, и въ 1239 году покорилъ всю Россію, предавъ ее огню и мечу. Основавъ Кипчацкую или Золотую Орду, на берегахъ Волги, въ степяхъ Саратовской Губерніи, онъ былъ первымъ ея Ханомъ, но подвластнымъ Великому Хану Большой Орды, и владычество Татаръ простиралось тогда почти до Карпатскихъ горъ. Всѣ остатки народовъ не Славянскаго племени, и между прочимъ Половцы, смѣшались съ ними.

Послѣ смерти Батыя, въ 1256 году, начались въ Кипчацкой Ордѣ, имъ основанной, несогласія, которыя, однако же, тогда еще ее не ослабили. Но уже вскорѣ послѣ того, около 1260 года, одинъ смѣлый воевода Ханскій, по имени Ногай, не только сдѣлался независимымъ владѣтелемъ описываемыхъ нами мѣстъ, но повелѣвалъ въ самой Ордѣ и мѣнялъ Хановъ по произволу. Онъ заключилъ союзъ съ Греческимъ Императоромъ, Михаиломъ Палеологомъ, женился на побочной дочери его, основалъ свои кочевья или улусы вокругъ всего Азовскаго или, какъ оно тогда уже называлось, Сурожскаго моря, въ бывшемъ Воспорѣ и во всей Тавридѣ, властвовалъ болѣе тридцати лѣтъ и по смерти оставилъ Татарамъ, въ Крымскаго полуострова живущимъ, имя свое, которое они и до нынѣ сохраняютъ.

При жизни сего Ногая, торговля, съ плодами тогдашняго просвѣщенія и промышленности, проникнула опять въ сіи мѣста,

въ которыхъ они нѣкогда процвѣтали, но гдѣ варварство давно уже истребило и слѣды ихъ. Двѣ знаменитыя Италіянскія Республики, Венеція и Генуя, спорили тогда о владычествѣ на моряхъ: Крестовые походы, въ которыхъ они участвовали, познакомили ихъ съ Востокомъ. Венеціане первые на Сурожскомъ морѣ основали колонію Азовъ; въ слѣдъ за ними явились и Генуезцы на берегахъ Тавриды, сдѣлали выгодныя предложенія владѣвшимъ тогда ею Монголо-Татарамъ, и выпросили у нихъ уголокъ земли, гдѣ бы учредить свою контору и складочное мѣсто для товаровъ. Имъ отвели пустое урочище, именуемое Каффа, о коемъ мы выше сего уже говорили: весьма не пространная, узкая долина, какъ бы спрятанная между моремъ и высокими горъ, въ которую одинъ только вѣздъ съ востока: они и тѣмъ остались довольны. Имѣя много золота, большую дѣятельность, искусныхъ зодчихъ, Генуезцы усердно приступили къ строенію домовъ: скоро возникъ новый, прекрасный городъ, своимъ великолѣпіемъ изумилъ Татаръ и возбудилъ ихъ опасенія и зависть. Дошло до ссоры и войны: Генуезцы подняли съ горной стороны высокія каменные стѣны съ башнями и изъ за нихъ смѣлялись усилять Татаръ. Нѣсколько разъ потомъ, въ продолженіи времени, воевали, примирались, но не упустили ни единого случая, чтобъ не дѣлать новыхъ приобрѣтеній и не распространять свою власть и торговлю. Въ исчисленіи городовъ и мѣстъ, коиими Республика владела тогда въ Тавридѣ, находимъ мы Балаклаву, Судакъ и наконецъ Сегчіо, ріссіол луого, какъ говоритъ Одерико. И такъ Греческая Пантиканея, Русской Кърчевъ, сдѣлались Италіянскою Черчіо, какъ послѣ обратилась въ Татарскую Керчь.

Здѣсь мѣсто упомянуть о знаменитомъ Ханѣ Узбекѣ, въ Кипчацкой Ордѣ царствовавшемъ съ 1312 по 1341 годъ и возстановившемъ прежнюю силу ея. Его имя кровавыми буквами начертано въ исторіи нашей: онъ Князей безпрестанно призывалъ въ Орду на судъ и на казнь, и сенерыхъ, въ томъ числѣ Мшанла Тверскаго и двухъ сыновей его, Дмитрія и Александра, предавъ смерти. Онъ любилъ сіи мѣста и по нѣсколько мѣсяцевъ забавлялся звѣриною ловлею на великомъ пространствѣ отъ Тавриды до Терека. Первый изъ Хановъ принялъ онъ Магометанскую вѣру, ввелъ ее между своими подданными и при немъ началъ она имѣть поклонниковъ въ Крыму. Изъ любви и уваженія

къ его памяти многіе Татары приняли имя Узбековъ, коими и до нынѣ называются въ Хивѣ.

Со смертію Узбека началось постепенное паденіе Золотой Орды. Въ Сараѣ, главномъ городѣ ея, одинъ Ханъ смѣнялъ в убивалъ другаго, иногда три Хана съ многочисленнымъ войскомъ спорили между собою о владычествѣ, возникали новыя Царства, Татары рѣзались и все возвѣщало близкій конецъ чудовищнаго ихъ могущества. Посреди сихъ неурядицъ и междоусобій, возсталъ одинъ смѣлый воинъ, Темникъ Мамай, который, не принимая титула Ханскаго, повелѣвалъ ими, и который могъ бы замедлить паденіе Орды, но въ 1380 году разбитый Димитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ, онъ бѣжалъ къ Азовскому морю и въ сосѣдство древняго Воспора, и на томъ самомъ мѣстѣ, близъ нынѣшняго Мариуполя, гдѣ въ 1224 году была Калковская битва, побѣжденъ вооружившимся противъ него Ханомъ Тахтамышемъ, потомкомъ Чингисъ-Хана. Онъ скрылся въ Каффѣ, но тамъ Генуезцы коварно умертвили его, въ угожденіе Тахтамышу.

Въ сіе время явился на Востокѣ Тамерланъ, новый ужасъ человѣчества. Подобно Чингисъ-Хану возникъ онъ почти изъ ничтожества до степени властелина міра, но, кажется, еще превзошелъ его гениемъ, блестящими качествами и лютостію, владѣнія же свои распространилъ до Египта. Онъ сначала покровительствовалъ Тахтамышу, но чрезъ нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1395 году, озлобленный его неблагодарностію, пошелъ истребить его, настигъ, между Терекомъ и Кубанью, разбилъ на голову, обратилъ въ бѣгство и, въ слѣдъ за нимъ, съ безчисленнымъ войскомъ ворвавшись въ Россію, дошелъ до самаго Ельца. Бытіе нашего Отечества, можно сказать, висѣло на волоскѣ, все было въ ужасѣ... но Провидѣніе, предназначившее великія судьбы сему народу, избавило его, какъ и въ слѣдующія времена неоднократно чудеснымъ образомъ оно его спасало. Тамерланъ удалился, тѣмъ же путемъ, мимоходомъ разрушивъ Сарай, Астрахань и наконецъ сравнялъ съ землею богатый Венеціанскій Азовъ, предавъ, какъ онъ сказалъ, Державу Батыеву губительному вѣтру истребленія.

Но оставимъ Кипчацкую Орду, безпрестанно въ междоусобныхъ браняхъ идущую къ разрушенію своему. Одинъ Татарскій

вѣздникъ и смѣльчакъ, старый Князь Едигей, долго въ снхъ войнахъ участвовавшій, повелѣвавшій судьбами самихъ Хановъ, въ концѣ дней своихъ составилъ для себя особое Государство изъ Черноморскихъ и Азовскихъ Улусовъ, то есть, изъ нынѣшней Таврической и частію Кавказской Губерній. Послѣ смерти его, многочисленные его сыновья раздѣлили его владѣнія и вскорѣ потомъ погибли въ междоусобіи: тогда Черногорскіе Татары избрали Ханомъ осинадцатилѣтняго юношу, славившагося происхожденіемъ отъ Чингисъ-Хана, который къ имени своему Ази, прибавилъ, изъ благодарности къ воспитавшему его земледѣльцу Гирю, названіе сего послѣдняго. Съ симъ Ази-Гиреемъ началась, около половины пятнадцатаго столѣтія, особенная Крымская Орда, разбойничье гнѣздо, которое, отдѣляемо будучи отъ Россіи пространными степями, его ограждавшими, въ теченіи длухъ съ половиною вѣковъ, утомляло ее почти періодическими набѣгами.

Около того же времени случилось горестное происшествіе въ мірѣ: Турки въ 1453 году взяли Константинополь. Черезъ двадцать два года послѣ того Магометъ II послалъ свой флотъ въ Черное море, подъ предводительствомъ Капитана-Паши, который завоевалъ Каффу и всѣ Генуезскія владѣнія въ Крымскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ заключилось, въ 1475 году, блестящее, но краткое, существованіе сего торговаго города, Кучукъ-Стамбула или маленькаго Царьграда, какъ Турки сами его называли. Крымскіе Ханы вскорѣ покорились Султану и признали надъ собою его владычество. Таврида и Воспоръ, хотя и остались особливимъ Ханствомъ, но вошли въ составъ владѣній Оттоманской Порты, въ зависимости коей были триста лѣтъ, безъ всякой надежды когда либо опять озариться свѣтомъ вѣры и наукъ.

И въ сію-то эпоху, когда Магометанизмъ торжествовалъ на Югѣ, одинъ Сѣверный народъ, долго подъ игомъ его стенавшій, раздробленный, уничтоженный, изнуренный, едва не исчезнувшій въ мірѣ, началъ оживать, соединяться и испытывать силы свои противъ мучителей. Любезное Отечество наше воскресало. Не даругъ установились въ немъ порядокъ и спокойствіе: Русскому народу надлежало еще пройти сквозь рядъ бѣдствій, конни Небу угодно было искутить его твердость, но, не смотря на вновь на-

носимые ему удары, онъ болѣе и болѣе утверждалъ свою независимость, одолевалъ враговъ и безпрестанно шелъ къ невидимой высокой цѣли, какъ будто внимая тайному голосу, зовущему его къ чему-то необыкновенно великому. Едва прошло сто лѣтъ, и уже при Грозномъ Иванѣ Васильевичѣ всѣ Татарскія Царства, порожденныя издыхающею Кипчацкой Ордой, одно за другимъ предъ нимъ пали; только прелестный Крымъ остался тогда непокореннымъ: судьба хотѣла позже симъ цвѣткомъ украсить побѣднѣй вѣнецъ одной безсмертной, долго надъ Русскими царствовавшей.

Мы выше сего сказали, что Крымъ сдѣлался вертепомъ разбойниковъ: почти ежегодно толпы хищниковъ выходили изъ него и бросались на Литву, Польшу и Россію, не для славы и завоеваній, а для грабежа. Атаманы ихъ, именующіе себя Ханами, данники Порты и ею покровительствуемые, всѣ изъ роду Гиреевъ, подражали Султанамъ въ грубой роскоши; вся исторія ихъ состоитъ изъ вѣроломства, братоубійствъ и дѣяній звѣрскаго мужества. Имя одного только Менгли-Гирея, сына Ази-Гирея, должны мы произносить съ почтеніемъ и благодарностію: онъ былъ современникъ Великаго Князя Ивана Васильевича, царствовалъ, какъ и онъ, сорокъ лѣтъ, всегда былъ постояннымъ другомъ его и Россіи, и оказалъ безчисленныя имъ услуги.

Все сіе пространство, между Великороссійскими владѣніями и Крымомъ, бывъ открыто для внезапныхъ вторженій Татарскихъ, наполнилось еще многочисленными вооруженными шайками бѣглецовъ изъ Россіи и Польши, которые, видя въ Черкесахъ, иначе все еще по старому Косогани или Казохами называющихся, удалыхъ наѣздниковъ и подражая ихъ молодечеству, приняли, по мнѣнію своему, почетное имя ихъ, Козаковъ. Тогда мирные жители древней Россіи, Литовцами завоеванной и уже называемой въ ту пору Малой Россією и Украиной, должны были, для защиты семействъ своихъ, собственности и жизни, сдѣлаться вмѣстѣ хлѣбопашцами и воинами, составить рядъ военныхъ поселеній и, по примѣру другихъ, также назвали себя Козаками. Часть всѣхъ Козаковъ сихъ основала жилища свои на Дону, другіе же по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, нѣзъ коньхъ нѣкоторыхъ, ниже пороговъ его поселившіеся, получили названіе ~~Сиверян-~~

цевъ. Сии послѣдніе то союзники, то враги Крымцевъ, внутри полуострова, и Ногайцевъ, въѣ онаго живущихъ, имѣли почти одинаковые съ ними нравы.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла сего края до тѣхъ поръ, пока возрастающее безпрестанно могущество Россіи и ея завоеванія къ нему не приблизились.

Еще Россія и Турція только по однимъ слухамъ знали другъ друга: скоро начались, однако же, у нихъ нѣкоторыя торговыя сношенія, посреди коихъ были уже замѣтны признаки будущей непримиримой вражды между сими народами. Войны не было, а Козаки и Татары, какъ бы передовое войско двухъ Державъ, почти никогда не прекращали непріязненныхъ дѣйствій: одни при всякомъ случаѣ нападали и грабили сосѣдственные имъ мѣста и города, подвластные Туркамъ; другіе продолжали набѣги своимъ Россію. Взаимныя жалобы Царя и Султана оставались безъ удовлетворенія; всегда одинъ отвѣтъ, одно извиненіе: что, по отдаленности, самовольства сихъ людей укротить не можно.

А между тѣмъ сии войны, съ гордостію и удовольствіемъ именующіе себя вольными Козаками, свободою избирающіе своихъ Атамановъ, едва признающіе надъ собою владычество Царей и Великихъ Князей, сии дикіе рыцари, сии преступные, непокорные и отпадшіе, сыны Россіи, все оставались привязанными къ матери своей прелестію воспоминаній, узами и крови, и языка, и вѣры. Въ сраженіяхъ они призывали на помощь святую Московскую и Кіевскую, изображали ее на знаменахъ своихъ, усердно молились угодникамъ, почивающимъ въ сихъ древнихъ столицахъ, которыя называли святыми мѣстами и почитали наравнѣ съ Іерусалимомъ и Аѳонскою Горой. Сама Россія была для нихъ какъ нѣкое божество, которому они издали поклонялись: имени ея ради, во славу и честь ея, творили чудеса и всякое значительное завоеваніе ей, одной ей, приносили въ даръ, какъ бы славою и побѣдами желая купить себѣ ея прощеніе.

Такимъ образомъ, когда изнуренный злобою и развратомъ, утопающій въ крови подданныхъ, давно забывшій и добродѣтель и честь, неистовый Иванъ Васильевичъ приближался ко гробу и равнодушно смотрѣлъ на посрамленіе войскъ своихъ, отважный

Ермакъ Тимоѣевичъ, съ горстію своихъ Козаковъ, проходилъ неизмѣримое пространство, открывалъ, такъ сказать, новую часть свѣта, покорялъ Сибирское Царство, указывалъ Россіи путь до Китая, обремененный добычею падалъ съ нею къ стопамъ величественнаго Государя и блескомъ завоеваній своихъ освѣщалъ мракъ послѣднихъ дней тирана. Такимъ образомъ Донскіе Козаки, изъ одного удалства, въ 1637 году, въ царствованіе воинственнаго Амурата, взяли приступомъ Азовъ, Турками разоренный, но потомъ ими же укрѣпленный городъ, пять лѣтъ держались въ немъ и отсиживались, осаждаемы будучи стотысячною Турецкою арміею и многочисленнымъ флотомъ, изумляли непріятелей почти сверхъестественнымъ мужествомъ и упорствомъ, безпрестанно умоляли Россійскаго Государя взять Азовъ за себя, представляя всѣ выгоды сего завоеванія, кои въ удержаны бы были Крымцы и Ногайцы отъ набѣговъ, и наконецъ, не видя ни какой помощи, бросили уже удаляющимся Туркамъ одни развалины Азова. Добродушный, но слабый, Михайль Ѳедоровичъ, первый Царь изъ дому Романовыхъ, отецъ великаго человѣка и дѣдъ исполина, не имѣлъ чудеснаго ихъ генія, ихъ предприимчивости, ихъ дальновидности, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на подвиги Козаковъ, милостиво принималъ ихъ посланныхъ, ласкалъ ихъ, дарилъ, но ни на что отважное не могъ рѣшиться.

Но уже наступали времена славы и величія Россіи: царствованіе мудраго Алексѣя Михайловича и правленіе умной и честолюбивой дочери его, Софьи Алексѣевны, приготовляли чудеса Петра Великаго. Уже первому изъ нихъ знаменитый Гетманъ Козаковъ Малороссійскихъ, Богданъ Хмельницкій, устыдясь повиноваться Польшѣ, условіями, заключенными 8-го Генваря, 1654 года, въ Переяславлѣ, отдалъ себя, воинственный народъ, имъ предводимый, и всѣ земли и города, симъ послѣднимъ занимаемые: тогда-то и Кіевъ древній, прекрасный, златоверхій Кіевъ, послѣ долгой разлуки, возвратился ко вздыхающей по немъ цѣлая столѣтія и нѣкогда крещенной имъ Россіи, возвратился къ ней во всей чистотѣ Православія Русскаго; какъ мученикъ святой, неоднократно опаленный, онъ претерпѣлъ всѣ гоненія господствовавшихъ надъ нимъ язычниковъ Литовскихъ и Татарскихъ, и всѣ истязанія еще лютейшихъ изувѣровъ, Римскихъ Католиковъ, и всѣ

на часть не поколебался въ вѣрѣ отцовъ своихъ; казалось, съ возвращеніемъ его благодать небесная сошла на Россію. Уже во дни Правительницы Софіи, въ 1686 году, союзнымъ трактатомъ противъ Турокъ, Польша отказалась, въ пользу Россіи, отъ многихъ правъ своихъ на покровительство Малороссійскихъ Козаковъ и Украины; при сей же Правительницѣ, въ первый разъ Русскіе войска начали дѣйствовать наступательно противъ Крыма, и любимецъ ея, Князь Василій Голицынъ, въ 1687 году, подступалъ уже къ Перекопу.

Наконецъ Петръ Великій взошелъ надъ Россіей, и все приняло въ ней новый видъ. Въ дивныя времена его Русское оружіе не проникло еще въ мѣста, нами описываемыя, но кругомъ вездѣ оно уже гремѣло. Одной изъ первыхъ мыслей сего предприимчиваго и творческаго генія была война съ Турками; первый опытъ, который хотѣлъ онъ сдѣлать изъ созданнаго имъ регулярнаго войска и еще устроивающагося въ Воронежѣ перваго флота, было употребленіе ихъ противъ враговъ просвѣщенія, котораго онъ алкалъ. Онъ началъ первую войну свою и, можно сказать, первую войну Россіи съ Турціей, въ 1695 году, на двадцать третьемъ году своего возраста, походомъ къ устью Дона. Сей походъ былъ не совсѣмъ удаченъ: Петръ Великій еще учился побѣждать, но на слѣдующій 1696 годъ Турки вездѣ разбиты, и онъ взялъ приступомъ Азовъ, съ помощію тогда вѣрнаго, но послѣ славнаго измѣною своею, Гетмана Мазепы. Въ 1698 году городъ сей, въ слѣдствіе перемирія, заключеннаго съ Турками на два года и потомъ обращеннаго въ тридцатилѣтній миръ, уступленъ Россіи со всѣмъ округомъ.

Сіе пріобрѣтеніе было отмѣнно важно, хотя заключалось въ весьма небольшомъ пространствѣ. Оно доказываетъ, что Петръ Великій искалъ еще болѣе пользу своего народа, чѣмъ славу его, и тѣмъ въ потомствѣ умножилъ собственную. Это было единственное отвергіе, чрезъ которое торговля Россійской открывался тогда морской путь въ отдаленнѣйшія страны. Дабы упрочить и ополезить сіе новое пріобрѣтеніе, Петръ Великій поспѣшилъ умножить укрѣпленія Азова и на сѣверной сторонѣ моря сего имени построилъ новый портовый городъ, Таганрогъ, недавно прославленный кончиною одного изъ его пріемниковъ.

Основанный полубогомъ, который населялъ и животворилъ приобрѣтаемыя имъ безлюдныя степи Юга, равно какъ и непроходимыя лѣса и болота Сѣвера, и вездѣ, гдѣ ни ступалъ, оставлялъ слѣды величія своего, юный Таганрогъ началъ быстро процвѣтать. Торговля для политическихъ тѣлъ столь же необходима, какъ воздухъ для человѣческихъ; безъ нея душно народу, она все живить, свѣжить и движеть, и обращается туда, гдѣ представляется ей какая ни будь возможность сообщаться. И по тому ни мало не удивительно, при взглядѣ на нынѣшній Таганрогскій портъ, что изъ середины Россіи, со всѣхъ сторонъ заслощенной тогда отъ морей, потекли товары къ сей единственной точкѣ, гдѣ могли они выгодно сбываться.

Здѣсь не мѣсто говорить о всѣхъ неудобствахъ сего, такъ называемаго, порта; далѣе постараемся мы объяснить ихъ. Если бъ Петръ Великій, владѣя Крымомъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ Россія владѣеть, избралъ Таганрогъ для учрежденія тутъ порта, то со всѣмъ благоговѣніемъ къ священной памяти величайшаго изъ Русскихъ, должны бы мы были сказать, что онъ сдѣлалъ ошибку. Но онъ не избиралъ и не предпочиталъ, а основалъ тутъ торговый городъ, какъ Генуезцы въ Кафѣ, не имѣя ничего лучшаго, и изъ малаго умѣя извлекать пользу. Въ запискахъ одного Англійскаго морскаго Офицера, во многихъ походахъ его сопровождавшаго, найдено, говорятъ, не давно, что Государь самъ ему въ томъ сознавался и изъявлялъ сожалѣніе, что не имѣеть въ рукахъ своихъ Керчи и Босфорскаго пролива.

Съ безпокойнымъ духомъ смотрѣли Турки на растущіе Азовъ и Таганрогъ. Недалновидное ихъ правительство, если не умѣло предвидѣть, то, по крайней мѣрѣ, кажется, предчувствовало, куда нѣкогда могутъ довести сіи первые шаги Московъ-гяуровъ, кои ихъ имя, дотолъ съ презрѣніемъ, но тогда уже съ досадой и ужасомъ, они произносить начали. Болѣе десяти лѣтъ не дерзали они воевать противъ Россіи; но когда низложенный подъ Полтавою, бѣшеный Карлъ XII спасся въ Бендеры, когда всегдашній недругъ нашъ, Крымскій Ханъ, Девлетъ-Гирей, началъ имѣть сшибки съ приближающимися войсками нашими, то, возбуждаема будучи ими, Порты рѣшилась, въ концѣ 1710 года, объявить войну.

Достопамятный и неудачный поход 1711 года въ Молдавію есть непріятное событіе для самолюбія народнаго, но оно доказываетъ, какое уваженіе и страхъ Петръ Великій успѣлъ уже поселить во врагахъ своихъ. Стѣсненный между непріятельскою арміею и Прутомъ, обложенный со всѣхъ сторонъ, какъ сѣтями, сей левъ казался имъ еще ужасенъ: первое слово о мирѣ принято съ удовольствіемъ; не смѣя коснуться его, съ радостію смотрѣли на его удаленіе. Но миръ, заключившій сію вторую войну съ Турками, лишилъ Россію плодовъ, пріобрѣтенныхъ первою: Азовъ уступленъ имъ обратно: и разрушенъ недавно построенный моль въ Таганрогѣ.

Двадцать пять лѣтъ продолжался миръ сей. Между тѣмъ Петра Великаго не стало, но преобразованная имъ Россія, по направленію, имъ данному, быстрыми шагами пошла къ просвѣщенію. Воцарилась суровая Анна Ивановна, или, лучше сказать, вреншицкѣ ея, Биронъ: при немъ, въ Государственномъ управленіи и въ войскѣ первыя мѣста заняли иноземцы. Одни, считая себя вставниками, призванными образовать младенчеству щій народъ, съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣли на грубые нравы его, и, думая исправлять ихъ строгостію, безжалостно Россію терзали; другіе, вводя дисциплину въ войскѣ, начали ломать Русскія кости, чтобы дать имъ Нѣмецкую прямизну. Все безмолвно покорствовало, въ вѣрности къ престолу и къ священной крови Романовыхъ, въ жилахъ Императрицы текущей. Только одинъ Минихъ, изъ всѣхъ чужестранцевъ сихъ, думалъ о славі, и то о собственной: ему хотѣлось войны съ Турками. Походъ Крымскаго Хана, Капланъ-Гирей, къ Кубани, чрезъ земли, Россіи принадлежащія, нарушеніе нѣкъ послѣдняго трактата, разбитіе Хана нашими войсками, посланнымъ препятствовать ему, и неудовлетворительные отвѣты Султана, все это подало поводъ къ войнѣ, которой противился Канцлеръ Остерманъ, но мнѣніе Миниха превозмогло.

Въ первый разъ послѣ ига Татарскаго, Русскіе войска, въ 1736 году, вошли въ Крымъ, подъ предводительствомъ искуснаго, съ сожалѣнію, не Русскаго, полководца, Миниха. Упорство и неустрашимость сто десяти тысячной Турецко-Татарской арміи, защищавшей хорошо укрѣпленныя линіи Черконеа, не могли остановить ихъ: они видѣли предъ собою непреступное убѣжище

скрывающее толпы злодѣевъ, съ столь давняго времени и такъ часто опустошавшихъ предѣлы Россіи, разбили армию, пробились сквозь укрѣпленія и, кипя местію, кинулись во внутрь полуострова. Ужасовъ сей истребительной войны нельзя представить; казалось, что время ни мало не изгладило изъ памяти бѣдствій, иѣкогда Татарами нашимъ предкамъ нанесенныхъ; казалось, что душа безчеловѣчнаго Бирона, тогда въ Россіи новелѣвавшаго, перешла въ каждаго изъ ея вонновъ; цвѣтуцій Крымъ они залили кровію; погибли тогда въ огнѣ и великолѣпіе Бакчисарая, и богатства Козлова: сады, мечети, бани, равно какъ и беззащитные жители, все предавалось разрушенію, или смерти. Надѣлавъ много шума, проливъ много крови, Минихъ къ осени долженъ былъ опять тою же дорогою выйти изъ Крыма.

Въ слѣдующемъ 1737 году Минихъ пошелъ къ Очакову, а другой, также иностранный, Генералъ, Ласси, вступилъ въ Крымъ другою дорогою, идя вдоль Азовскаго моря, чрезъ узкой Енической проливъ и Арабатскую косу или стрѣлку, пока Ханъ стоялъ и ожидалъ его у Перекопа. Арабатская коса идетъ между Азовскимъ моремъ и Гнилымъ или Сивашскимъ; ова имѣеть болѣе ста верстъ длиныи ширины отъ двухъ до четверти верстъ, или и менѣе, и на концѣ ея построена, для защиты Крыма, крѣпость Арабатъ, которая даетъ ей свое имя. Ничего не могло быть отважнѣе сего предпріятія; вѣрно Ласси зналъ, что онъ ведетъ людей, которымъ стоитъ показать опасности, и приказать ихъ преодолѣть, чтобы быть увѣрену въ ихъ повиновеніи. Цѣль ни мало не соотвѣтствовала дерзости предпріятія, ибо удержаться въ Крыму намѣренія не было: повторены только ужасы предыдущаго похода: восемь сотъ селеній и многолюдный, торговый Карасу-Базаръ, сдѣлались жертвою пламени.

Въ 1738 году Русскіе вошли въ Крымъ въ третій и въ послѣдній разъ, опять черезъ Перекопъ, съ тѣмъ же самимъ Генераломъ Ласси; но едва сдѣлали три перехода впередъ, какъ должны были воротиться, чувствуя всякаго рода недостатки въ краю. ни же самими разоренномъ. Минихъ симъ временемъ обратился совсѣмъ въ другую сторону: взявши Очаковъ, онъ занялъ Хотинъ и Яссы, и потомъ осаждалъ Бендеры. Одинъ Керченскій полу-

островъ, уголокъ забытый, не участвовалъ тогда въ бѣдствіяхъ, весь Крымъ постигшихъ.

Въ концѣ слѣдующаго 1739 года приступила Россія къ миру, между Австріей и Турціей заключенному; все, что взято, отдано опять назадъ; тѣмъ и кончилась сія безчеловѣчная, бесполезная и безславная война, достойная времени людоѣда Бирона. Не будемъ слишкомъ строго судить воиновъ нашихъ; вспомнимъ, что въ то время почти всѣ народы такъ воевали; скорѣе должно обвинить всѣхъ Генераловъ, сихъ мнимыхъ нашихъ просвѣтителей и побѣдодавцевъ, всѣхъ этихъ Штокмановъ, Штофельновъ, Шпигелей, Левендалей, Брендалей, Кайзерлинговъ и Ферморовъ, коихъ имена являются въ тогдашнихъ реляціяхъ и посреди коихъ замѣтно одно только Русское имя, Аракчеева.* Устрашалъ Русскихъ солдатъ болѣе, чѣмъ непріатели, имъ легко бы было удержаться отъ жестокостей, но, можетъ быть, не безъ удовольствія смотрѣли они на остервененіе ихъ и тѣшились отчаянной борьбой двухъ храбрыхъ народовъ, какъ медвѣжей травлей: кого въ семъ случаѣ варварами назвать можно?

Мы приблизились къ эпохѣ блистательнѣйшей въ исторіи нашего Отечества. Божество, во образѣ женщины, возсіяло въ 1762 году на Россійскомъ Престолѣ, и потомъ, въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ, лило на народъ, его боготворящій, просвѣщеніе, счастье и славу. Въ золотой вѣкъ Екатерины Второй Русскіе рѣшительно взяли верхъ надъ Турками.

Первая война началась въ 1769 году: предлогомъ къ оной служило имъ преслѣдованіе Конфедератовъ до Балты, города, Турціи принадлежащаго. Мы слишкомъ удалились бы отъ предмета своего, если бъ позволили себѣ, хотя вкратцѣ, описывать походы Румянцова въ Молдавію и за Дунай. Скажемъ только, что кампанія 1770 года открыта была блестящимъ образомъ: побѣдою его, 21-го Іюля, при Кагулѣ, и морскою побѣдою Орлова, 24-го Іюня, при Чесмѣ, и взятіемъ неприступной тогда крѣпости Бендеръ Панинымъ.

* Одноименница съ извѣстнымъ Графомъ А. А. Аракчеевымъ, ум. 1834 г. О. Б.

Въ 1771 году другая армія, подъ предводительствомъ Князя Василя Михайловича Долгорукаго, названнаго за то Крымскимъ, заняла полуостровъ сего имени. Она вошла двумя отдѣленіями: первое, не встрѣтя сопротивленія, переправилось чрезъ Еническій проливъ и прошло Арабатскую косу, а второе должно было опять пробиваться чрезъ линіи Перекопа.

Съ удивленіемъ увидѣли жители Крыма посреди себя мирными гостями тѣхъ самыхъ воиновъ, которые съ небольшимъ тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, казалось, хотѣли оставить въ цвѣтущемъ ихъ краѣ однѣ могилы и развалины. Такъ времена и люди перемѣнились. Такое поведеніе имѣло послѣдствія самыя выгодныя для Россіи. Татаръ легко убѣдили сбросить съ себя иго Оттоманской Порты, признать надъ собою покровительство Россіи и свободно пользоваться правомъ, самимъ избирать своихъ Хановъ, изъ семейства, триста лѣтъ ими влаждующаго. При радостныхъ восклицаніяхъ и съ большимъ торжествомъ, выбрали они и посадили на престолъ молодаго Сагинъ-Гирея, котораго судьба назначила быть послѣднимъ Ханомъ Крымскимъ.

Въ семь самоѣ 1771 году древній Воспоръ или Тмутараканское Княжество, коего имена уже давно были забыты въ мѣстахъ, ихъ носившихъ, увидѣлъ опять, послѣ шести съ половиною вѣковъ, прежнихъ властителей своихъ, Русскихъ. Отрядъ ихъ, подъ начальствомъ Генераль-Маіора, Николая Владиміровича Борзова, приблизился къ Киммерійскому проливу и занялъ на берегу его крѣпостцы весьма не важныя, въ десяти верстахъ одна отъ другой отстоящія, Керчь, старую, и Еникале, новую крѣпость, какъ имя сіе по Турецки означаетъ. Подлѣ каждой изъ нихъ форштатъ, изъ шести или семи Татарскихъ хижинъ состоящій, и вокругъ безчисленное множество могилъ и кургановъ: вотъ въ какомъ видѣ предстала имъ тѣнь Воспорскаго Царства.

Между тѣмъ безпрестанные успѣхи Румянцева нѣсколько лѣтъ съ ряду, совсѣмъ въ другой сторонѣ, утомили Турецкое Правительство и заставили новаго Султана, Абдуль-Гамидъ, приказать Верховному Визирю своему заключить миръ во что бы ни стало. Миръ сей подписанъ 10-го Іюля, 1774 года, побѣдоносною рукою Румянцева, въ палаткѣ сего великаго полководца, въ ла-

герѣ при деревнѣ Кучюкъ-Кайнарджи. Условія его были умѣреннѣе, чѣмъ Турки ожидать могли. Возвращеніе совсѣмъ уже разореннаго и почти не существующаго Азова, признаніе независимости Крымскихъ Хановъ, присоединеніе къ Россіи Керчи, Еникале и Кинбурна, * вотъ главные статьи.

Почему Императрица довольствовалась тогда приобрѣтеніемъ сихъ незначительныхъ мѣстъ, мы того сказать не можемъ; была ли она, подобно Петру Великому, убѣждена выгодами положенія Керчи для торговли? видѣла ли она въ Воспорѣ древнюю собственность Россіи, которую возвратить надлежало? или, что всего вѣроятнѣе и что въ послѣдствіи времени опытъ показалъ, она тогда уже имѣла намѣреніе, чтобы схватить съ обѣихъ концовъ послѣдній обломокъ огромнаго, нѣкогда наше Отечество подавлявшаго и давно уже погибшаго, Батыева Царства, и, отдѣливъ его отъ Турокъ, послѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, безъ усилій, приставить его къ Россіи?

Промежутокъ времени между первою и послѣднею Турецкою войною при Императрицѣ Екатеринѣ миронъ назвать не возможно. Едва прошелъ годъ послѣ заключенія Кайнарджинскаго трактата, какъ уже Верховный Визирь началъ съ негодованіемъ говорить Русскому послу, Князю Репнину, объ уступкѣ, сдѣланной Турціей, и изъявлять надежду на непродолжительность мира. Съ тѣхъ поръ были непрерывныя покушенія Турецкаго Правительства, чтобы возстановить власть свою въ Крыму, тайно шгъ подосланные старались взбунтовать Татаръ, Селимъ-Гирей, родственникъ Хана, явился въ Бакчисарафъ и, по бѣгствѣ сего послѣдняго въ Каффу, сѣлъ на его престолъ, поддержанный возмущившимся народомъ: гарнизоны, оставленные въ Кинбурнѣ и Керчи, и другія войска, вблизи находившіяся, заняли полуостровъ, и все пришло въ прежній порядокъ. Показался Турецкій флотъ,

* Кинбуръ или Киль-Бурунъ и Акиль Бурунъ, то есть, Ахилловъ посъ или мысъ, крѣпость, построенная Турнами на острокопечности Таврической Губерніи, гдѣ кончается лиманъ Днѣпра и начинается Черное море, противъ Очакова и подлѣ длиннаго острова, Тендеры, гдѣ, равно какъ и на мысу семъ, было Ахиллово ристалище и праздновались игры въ честь сего полубога.

начались и непріязненные дѣйствія, былъ уже явный разрывъ, но стараніемъ Французскаго Посланника, Сенъ-При, въ 1779-мъ году, кое какъ поладили, и новый договоръ подтвердилъ всѣ прежнія.

Еще за годъ до того обнаружилось намѣреніе Екатерины овладѣть Крымомъ и всѣмъ пространствомъ, между имъ и Россіей находящимся. Посреди голой степи, на землѣ, еще трактатами намъ неуступленной, въ виду Ногайцевъ и все еще не совсѣмъ покорной Запорожской Сѣчи, во сто верстахъ отъ Перекопа и въѣзда въ полуостровъ, при Днѣпровскомъ лиманѣ, Ея повелѣніемъ родился, въ 1778 году, и вскорѣ выросъ, новый городъ съ большою крѣпостію, Адмиралтействомъ и верфью. * Онъ названъ древнимъ именемъ Херсона, въ память ли прежняго Херсона, въ которомъ крестился Св. Владиміръ и коего развалины видны близъ Севастополя, или, можетъ быть, въ предзнаменованіе владычества Россіи надъ Таврическимъ Херсонисомъ.

Часъ сей наконецъ наступилъ. Русскія войска почти не выходили изъ Крыма: въ началѣ 1783 года Князь Потемкинъ отправился туда самъ, и волею, или неволею, убѣжденіями, или угрозами, склонилъ Сагинъ-Гирея ** отказаться отъ Ханскаго своего престола въ пользу Россійской Императрицы, которой именемъ Потемкинъ и вступилъ во владѣніе полуострова. Порта замолчала тогда, но начала приготавливаться къ войнѣ.

Поспѣшимъ окончить первую главу сей исторической Записки, въ коей часто по неволѣ должны мы были касаться до происшествій, не прямо къ Керчи относящихся, но которыя, однако

* Строить города на непріятельской землѣ в посреди войны есть древній обычай у Русскихъ Царей. До Петра Великаго и Петербурга выстроенъ Иваномъ Васильевичемъ Свіяжскъ, въ 30 верстахъ отъ Казани, во время осады сего города.

** Сей несчастный Хавъ согласился ѣхать на житье въ Воронежъ съ 800 тысячъ рублей жалованья. Недовольный чѣмъ-то, онъ изъявилъ желаніе отправиться въ Константинополь: согласился на то, желая отъ него отдѣлаться, а въ Турецкой столицѣ ожидала честь быть удушеннымъ шелковой веревкой.

же, на судьбу сего мѣста имѣли великое вліяніе. Что остается сказать намъ? Крымъ присоединенъ навсегда къ Россіи, ему возвращено классическое названіе Тавриды, долго потерянное имъ во времена варварства; грубыя Татарскія имена городовъ его, Кезлова, Акмечети, Актіяра и Каффы, замѣнены Греческими, для слуга пріятными, названіями: Евпаторіи, Симферополя, Севастополя и Теодосіи; онъ обращенъ въ Губернію, въ коей введенъ гражданскій порядокъ, основанный на общихъ законахъ, въ Государствѣ существующихъ, разнороднымъ жителямъ его поданы способы къ просвѣщенію и обогащенію, и если до сихъ поръ они не умѣли тѣмъ воспользоваться, то не вина Правительства; по крайней мѣрѣ, не тревожимые въ дѣламъ вѣроисповѣданія своего, не обремененные налогами, ведутъ они спокойную и лѣнливую жизнь, подъ сѣнію кроткой Державы, еще болѣе милосердой къ покореннымъ народамъ, чѣмъ къ наслѣдственнымъ.

Здѣсь нельзя прейти молчаніемъ достопамятнѣй для Крыма 1787 годъ, въ которомъ осчастливленъ былъ онъ посѣщеніемъ новою своею Владычицы. Много было тогда говорено и писано о семъ путешествіи, напоминающемъ времена баснословныя: здѣсь, до сихъ поръ, оно служитъ эпохой: такой-то, говорятъ, родился, такой-то женился послѣ, а такой-то до появленія здѣсь Сѣверной Царицы; старики и по нынѣ съ восторгомъ рассказываютъ дѣтямъ и внукамъ, какъ они видѣли свѣтозарную женщину, окруженную Царями и вельможами, величественно плывущую по Днѣпру въ позлащенной яхтѣ, какъ народы изъ дальнихъ мѣстъ бѣжали къ ней на встрѣчу и на поклоненіе, какъ города и села съ жителями минутно являлись на ея пути, чтобы, среди пустыни, развеселить ея взоры, какъ все устроено было для изумленія. Далѣе Теодосіи она не поѣхала, и во всемъ Крыму одна только Керчь осталась во мракѣ, Керчь, хотя не важное, но самое первое ея завоеваніе и ключь, отхрывшій ей Тавриду!

Сей 1787 годъ памятенъ въ Новороссійскомъ краю еще по двумъ происшествіямъ. Въ теченіе его прекратилось существованіе Запорожской Сѣчи* и уничтожилось самое имя Запорожцевъ;

* Сѣчь уничтожена собственно еще въ 1775 году. О. Б.

сіе противонатурное общество даетъ понятіе, что такое была Спарта въ древности, въ которой любителямъ ея все кажется прекраснымъ: оно не могло быть терпимо, когда окрестъ его вездѣ начиналось устройство. Съ начала отобраны у него всѣ селенія, лежащія въ право отъ Елисаветграда, пониже Кременчуга, по Диѣпру, куда отсылались тѣ изъ Запорожцевъ, которымъ позволялось жениться, и одно изъ сихъ селеній, Половица, сдѣлано Губернскимъ городомъ и названо славою Екатерины, потомъ построено нѣсколько укрѣпленій, которыя, удерживая буйныхъ и мало по малу стѣсняя, лишили ихъ всей отважности. Наконецъ изречено повелѣніе.... жениться симъ, добровольно безбрачнымъ, и ити спокойно населять землю Кубанскую, между рѣкою сего имени и Азовскимъ моремъ, или Азіятскій Воспоръ, который, вмѣстѣ съ Крымомъ, въ 1783 году, поступилъ во владѣніе Русское и по удаленіи Ногайцевъ совершенно опустѣлъ. Противиться было не возможно: они съ видомъ благодарности должны были принять дарованныя имъ земли, лѣса, соляныя озера, рыболовли, однимъ словомъ, всѣ угоды изобильной страны, которыя, конечно, не могли замѣнить въ глазахъ ихъ потерянной прежней вольности; иные изъ нихъ поудалѣе, вспомнивъ, какъ нѣкогда предшественники ихъ, спускаясь въ непрочныхъ ладьяхъ по Диѣпру и чрезъ бурныя волны всего Чернаго моря, отваживались брать приступомъ Синопъ, рѣшились убѣжать къ Туркамъ чрезъ всѣ опасности, и тамъ, за Дунаемъ, поселиться близъ Невѣрныхъ. Оттуда по одиночкѣ, или малыми партіями, выходятъ они въ Валахію и Молдавію и безнаказанно грабятъ и убиваютъ жителей сихъ несчастныхъ Княжествъ, не имѣющихъ ни войска, ни полиціи, и подъ словомъ Запорожець разумѣютъ тамъ нынѣ всякаго разбойника. На Кубани это названіе забыто и Запорожцы переименованы въ войско Черноморскихъ Козаковъ, весьма неправильно, намъ кажется, ибо земли ихъ только въ одномъ мѣстѣ прилегаютъ къ Черному морю, и то на пространствѣ 25 верствъ. Въ награду за услуги и мужество, оказанныя ими и Кошевымъ ихъ Атаманомъ, Чепѣгою, при взятіи укрѣпленнаго острова Березани, противъ Очакова, присоединено къ ихъ нынѣшнему имени Черноморскихъ Козаковъ названіе вѣрныхъ, котораго, кажется, они стараются быть достойными.

Последнее важное происшествіе сего 1787 года было внезапное нападеніе Турокъ на Кинбурнъ, пораженіе, претерпѣнное ими отъ Суворова и, слѣдственно, начало войны. Продолженіе ея и конецъ суть предметы, совсѣмъ посторонніе Керчи: довольно будетъ, если скажемъ, что для Русскихъ побѣда слѣдовала за побѣдой, крѣпость падала за крѣпостью, и что Ясскій миръ, въ 1791 году, съ той стороны еще болѣе распространилъ владѣнія наши.

Не долго послѣ того жила благодѣтельница Россіи. Годы бѣгутъ за годами, и много прошло времени со дня ея кончины. Съ тѣхъ поръ Россія виѣла новые чрезвычайные успѣхи во всѣхъ родахъ: ея войны съ побѣдою входили въ столицы Италіи, Германіи и Франціи, много было шуму, много славы, много провсѣствій. Все это между современниками изглаживаетъ память о Екатеринѣ; свидѣтели и участники ея великихъ дѣяній одинъ за другимъ уходятъ въ землю; тѣхъ, коихъ смерть еще пощадила, слушаютъ новыя поколѣнія съ равнодушіемъ, или презрѣніемъ, полагая, что видѣнное ими превосходитъ разказываемое, и чтобы съ участіемъ слушать и вѣщать о ней, скоро останемся только мы, любезные ровесники, мы, у которыхъ конецъ ея необыкновенно благополучнаго царствованія и первоначальныя, блаженные днѣ младенчества нашего, сливаясь вмѣстѣ, остались въ памяти, какъ прелестный сонъ, котораго изъяснить не возможно.

Такъ, въ насъ, по крайней мѣрѣ, неблагодарность къ ней будетъ непростительна; особенно же здѣсь, среди этого обширнаго пространства земли, какъ бы отъ вѣка обреченнаго зануствію и варварству, гдѣ дотолѣ бродили одни дикія племена Сквѣскія, кочевали попеременно Печенѣги, Козары, Половцы, Монголы и Татары, гдѣ торговля и просвѣщеніе не во многихъ мѣстахъ иногда могли прислоняться, и вскорѣ потомъ были изгнаны, въ этой Новой Россіи, гдѣ все говоритъ объ ней и объ ея мудромъ правленіи, въ краю, завоеванномъ мечемъ ея Румянцовыхъ, Суворовыхъ, Каменскихъ и Кутузовыхъ, населенномъ, обстроенномъ своенравною, но сильною, волею ея Потемкина, кто изъ насъ можетъ здѣсь вспомнать объ ней безъ униженія и восторга, и кто осмѣлится осудить, или осмѣять ихъ? Существо чудесное! Великій мужъ и женщина чувствительная, она умѣла соединять всю силу, всю твердость ума, отличающихъ одинъ полъ

съ слабостями, которыя мы любимъ находить въ другомъ, и которыя, по воплощеніи своемъ, сія неземная осуждена была приносить въ дань міру сему, въ который она, для счастья людей, была ниспослана.

Если наши пламенныя желанія насъ не обманываютъ, то великій духъ ея не оставлялъ ни ея семейства, ни страну и народъ, ею облагодетворенный, и перешелъ весь во младенца. предъ самую смерть ея, отъ ея сына рожденнаго: онъ явился въ мирѣ, когда она его покидала, послѣдніе лучи сего заходящаго свѣтила озаряли колыбель его, и она нарекла его именемъ, любезнымъ для Русскихъ воиновъ, и морскихъ и сухопутныхъ. Теперь онъ царствуетъ надъ нами. Будемъ молить Всевышняго, чтобы онъ слѣдовалъ по стопамъ ея въ Государственномъ правленіи, не искалъ для себя мнѣхъ образцовъ, чтобы изъ созданнаго ею сохранилъ все уцѣлѣвшее и возстановилъ все разрушенное, чтобы, подобно ей, всегда любилъ народъ Русскій и, подобно ей, былъ всегда имъ обожаемъ, и какъ она, царствовалъ долго, счастливо и славно!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Желая представить положеніе, въ которомъ нашли мы маленкій городъ Керчь, необходимо нужно будетъ намъ означить напередъ перемены, послѣдовавшія съ нимъ съ того времени, какъ онъ вновь поступилъ во владѣніе Россіи.

Когда сіе мѣсто въ 1771 году заняли Русскія войска, и потомъ оно въ 1774 году, по Кайнарджинскому миру, намъ совсѣмъ было уступлено, то, какъ первое завоеваніе, оно много привлекало на себя вниманіе Правительства. Не принадлежали тогда Россіи ни Крымъ, ни нынѣшній Мелитопольскій Уѣздъ, тогда жилище кочующихъ Ногайцевъ, ни даже Таиань, почти въ виду Керчи стоящая; другаго сообщенія съ Россіей сіе новое владѣніе то-

гда не имѣло, какъ чрезъ Таганрогъ и Азовское море. Находившійся въ то время съ флотомъ въ Архипелагѣ, Графъ Орловъ-Чесменскій, предложилъ поселить тутъ болѣе тысячи семействъ Грековъ островитянъ, которые, боясь ужасовъ Турецкаго мщенія, молили его принять ихъ подъ свое покровительство и увести съ собою. Такое предложеніе не могло быть отвергнуто: спасти отъ сабли Магометанской несчастныхъ единовѣрцевъ, населить ими отдаленный и отдѣльный отъ насъ край, и польза и справедливость того требовали; къ тому же воскресеніе Греціи было всегда любимою мечтою Императрицы, какъ оно и до нынѣ еще есть заблужденіе умовъ самыхъ просвѣщенныхъ.

Щедрою рукою посыпались милости на сихъ пришельцевъ: двадцать тысячъ десятинъ удобной земли, соляныя озера, многочисленныя привилегіи и права и тридцатилѣтняя льгота, и все, что только въ пользу людей одной Греческой націи, должны были ихъ утѣшить въ новомъ отечествѣ за потерю оставленной имъ родины. Созенцы ихъ, въ Крыму живущіе, Татарани, какъ Жиды Христіянами, пренебрегаемые, и также, какъ Жиды Христіанъ, Татаръ обманывающіе, толпами изъ всѣхъ концовъ полуострова потекли въ сіе убѣжище, въ сію новую Елладу. Въ самое короткое время народонаселеніе въ Керчи и Еникале возросло до шестнадцати тысячъ душъ, сильный горнизонтъ умножалъ многолюдство, и сіи двѣ Греческія колоніи представляли, видъ дѣятельный и веселый. До сихъ поръ довольно свѣжія ямы, гдѣ видны остатки камней, служившихъ основаніемъ домовъ, показываютъ, какъ далеко простиралось заселеніе двухъ городовъ.

Сіе цвѣтущее состояніе не было продолжительно. Какъ скоро Крымъ рѣшительно присоединенъ къ Россіи, то Греческіе выходцы изъ разныхъ городовъ и селеній его поспѣшили обратно на прежнія свои пепелища: тамъ представлялось имъ гораздо болѣе удобствъ обманывать и грабить Татаръ съ безопасностію. Керчь и Еникале не упустили еще, но почти на половину уменьшилось число ихъ жителей.

Сильнѣйшій ударъ благосостоянію сихъ городовъ былъ нанесенъ двадцать лѣтъ позже. Прежде нежели дойдемъ мы до того должно объяснить начало величайшаго, богатѣйшаго, торго-

вѣйшаго изъ городовъ Новороссійскихъ, почти столицы всего края. Одессы. Контръ-Адмиралу Рибасу, искусному моряку, ловкому и пронырливому Италіянцу, удалось, съ гребнымъ флотомъ, которымъ онъ начальствовалъ, взять, въ 1790 году, Турецкую крепостцу, Гаджибей. Это было не что иное, какъ, съ небольшимъ числомъ разбросанныхъ вокругъ его землянокъ, маленькій шанецъ, въ степи, надъ крутымъ берегомъ Чернаго моря, на половинѣ дороги между Бугскимъ и Днѣстровскимъ лиманами. Кажется, завоеваніе это было единственный трофей Рибаса; но какъ иностранцы всегда у насъ мастера выставлять въ большомъ видѣ содѣянное ими и украшать истину, то подвигъ Г. Рибаса почтенъ чудеснымъ.

Не задолго передъ симъ чудеснымъ подвигомъ начали строить еще новый городъ. Когда, послѣ долговременной осады, взять приступомъ Очаковъ, 6 Декабря, 1788 года, и разрушенныя огнемъ и ядрами стѣны его потонули въ крови его жителей, то побѣдитель его, Князь Потемкинъ, захотѣлъ, въ память сего великаго дня и въ честь святаго Чудотворца Николая, покровителя Русскихъ солдатъ, въ праздникъ коего они Очаковъ штурмовали, поставить новый городъ, не на дымящихся развалинахъ прежняго, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Основателемъ взялся быть Фалѣевъ, простой гражданинъ, подъ покровительствомъ Потемкина разбогатѣвшій въ подрядахъ: онъ на постройку Николаева истощилъ всю собственную казну свою, и за то похороменъ въ Соборной церкви сего города.

Конечно, Потемкинъ не могъ предвидѣть, что возникающій городокъ Николаевъ, въ 60 верстахъ отъ любимаго его Херсона (въ которомъ уже сдѣланы были купеческій и военный порты и которому, въ обширныхъ замыслахъ своихъ, назначилъ онъ быть столицею Южной Россіи), скоро затмить его блескъ и будетъ первою виною его паденія. Но какъ мѣсто, гдѣ находится Николаевъ, при устьѣ судоходной рѣки Ингула и соединеніи лимановъ Днѣпровскаго и Бугскаго, гораздо удобнѣе для строенія и храненія кораблей, то тотчасъ послѣ смерти Потемкина и переведено туда Главное Управленіе Черноморскаго флота.

Главнымъ Начальникомъ Черноморскихъ портовъ и ~~флота~~ назначенъ былъ доблестный Мордвиновъ, честь имени ~~его~~

который прежде дѣлами, нынѣ же совѣтани, съ пользою ревностно служить Государству. Онъ сдѣлался вторымъ или, лучше сказать, настоящимъ основателемъ Николаева: въ рукахъ такого челоука не могъ сей городъ не увеличиться, не усилиться, не украситься. Между Адмиралами Русскимъ и Неаполитанцемъ было какое-то соперничество, какія-то несогласія. Дѣло странное! Иностранцы въ Россіи не любятъ, когда Русскіе имѣютъ какіе нибудь блестящіе успѣхи. Рибасу стало завидно, онъ началъ выдвигать, какъ ему поирачить Мордвинова, и наконецъ затѣялъ третій большой городъ:

Верстахъ въ осмидесяти отъ Николаева и съ не большимъ сорока отъ теперешней Одессы, на пересохшемъ нынѣ заливѣ Тынгулѣ и рѣчкѣ сего имени, въ древности былъ маленькій Греческій городокъ Ордиссоъ или Одиссоъ, построенный въ честь Одиссея-Улисса, въ долгихъ странствованіяхъ своихъ будто бы и сіи мѣста посѣтившаго. Сего было достаточно, чтобы плѣнить, даже въ старости, еще пылокое и цвѣтущее воображеніе Императрицы; Рибасъ зналъ это, и поспѣшилъ предложить основаніе Одессы, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ шанецъ Гаджибей и которое было свидѣтелемъ его славы. *

Въ 1794 году Указомъ велѣно заложить уѣздный городъ Одесу, и позволено иностраннымъ купеческимъ кораблямъ приходить къ его порту съ товарами. Такими портами усѣяны всѣ берега Чернаго моря: гдѣ ни приткнись, вездѣ можно сдѣлать ему подобный, открытый со всѣхъ сторонъ и для всѣхъ вѣтровъ. Какая мысль была у Рибаса, Богъ знаетъ: не уже ли одно удовольствіе обивывать? Между тѣмъ, Инженѣрному Генералу, де Волану, строившему, по новой границѣ на Днѣстрѣ, новую линію крѣпостей, приказано построить также крѣпость и въ Одессѣ, хотя городъ сей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Днѣстра находился. Со всѣми средствами, которыя были дозволены Рибасу, со всѣми его усиліями, въ два года едва могло накопиться жителей тыся-

* Въ 36 верстахъ оттуда построена была почти въ тоже время Овидіополь, въ честь Овидію, который нѣзъ ссыли своей въ древней Мизіи, не только за Дунай, но и за Днѣстръ, будто бы иногда перебирался. Весьма не равною пользою пользуются города Овидія и Улисса.

чи полторы, и все почти одних бродягъ: впрочемъ, Римъ и нецѣя такъ начинались.

При Наслѣдникѣ Екатеринѣ Второй, Повороссійскій край былъ совсѣмъ почти заброшенъ: изъ трехъ Намѣстничествъ, Елицинославскаго, Таврическаго и Вознесенскаго, его составлявшихъ, слѣлана одна Новороссійская Губернія, кою нѣсколько времени управлялъ Военный Губернаторъ Бердиевъ. Онъ дѣлалъ представленіе, между прочимъ, о томъ, чтобы всѣ казенныя земли въ Одессѣ и даже землю, на которой городокъ сей былъ построенъ, продать съ публичнаго торга, и о томъ въ Совѣтѣ было разсуждаемо. Впрочемъ, предложеніе сіе не столь безразсудно, какъ иные думаютъ.

Съ восшествіемъ на престолъ покойнаго Государя, Александра Павловича, въ 1801 году, просіяло и для Великой и Малой, для старой и новой, Россіи. Время блаженное! Радостное утро столь бурнаго дня и столь пасмурнаго вечера! Нѣтъ, подобнаго тебѣ намъ никогда не видать! Молодые Министры молодого Царя, вмѣстѣ съ нимъ, вскинулись почти не виданнымъ дотошъ желаніемъ блага Отечеству, и благородный жаръ свой сообщили всѣмъ сословіямъ народнымъ. Но если молодость есть время успѣховъ и счастья, то она же есть и время заблужденія.

Между Министрами, обширными свѣдѣніями, благородными правилами, острою памятью, рѣдкимъ патріотизмомъ и трудолюбіемъ, отличался Графъ Кочубей, въ такія лѣта, въ какія не многимъ позволено стать на высокую степень. Онъ въ самой первой молодости былъ Посланникомъ въ Константинополь, зналъ хорошо Турцію, и когда управленію его вручено Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, то онъ обратилъ особенное вниманіе на Провинціи, сопредѣльныя съ областями, Турціи принадлежащими. Его рано созрѣвшій умъ постигнулъ выгоды, какія цѣлое Государство получать можетъ отъ Черноморской торговли и вообще, какое вліяніе на будущую участь Россіи имѣть должны образованіе и благосостояніе края сего. Онъ умѣлъ объяснить все это Императору, и положено довершить начатое Петромъ и Екатериной

Къ сожалѣнію, кажется, ошиблись тогда въ средствахъ къ достиженію предположенной цѣли. Учрежденіе трехъ главнѣй-

портовъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, Одессы въ 1803, Феодосіи и Таганрога въ 1804 годахъ, назначеніе въ нихъ чиновниковъ и довѣренныхъ градоначальниковъ, хотя и увѣнчаны были быстрыми успѣхами, но сіе служить только доказательствомъ взаимной потребности народовъ обмѣнивать произведенія земли своей, и какъ торговля умѣетъ преодолевать препятствія, поставленыя ей природою, ибо мы смѣло можемъ сказать, выборъ мѣстъ былъ весьма ошибоченъ.

Природа сама указывала тогда Очаковъ и Керчь. Очаковъ близко отъ Одессы, въ равномъ отъ него находится разстояніи какъ отъ Западныхъ и Южныхъ Губерній Россійскихъ, такъ и отъ Константинополя, но имѣетъ предъ нею преимущество быть на широкомъ устьѣ Днѣпра и Буга вмѣстѣ: когда каналомъ будутъ обходить пороги первой изъ сихъ рѣкъ, то даже изъ Смоленской Губерніи могутъ приходить къ нему суда, которыя дагѣ къ Одессѣ по Черному морю ити не могутъ. Черезъ лиманъ имѣетъ Очаковъ прямое, близкое и безопасное сообщеніе съ Таврической Губерніею, а уже о преимуществахъ его рейда предъ Одесскою и говорить нечего.

Одесса, какъ мы выше сказали, стоитъ на открытомъ морѣ; искусственный портъ ея, съ чрезвычайными издержками сдѣланные два мола, существуютъ только съ не большимъ двадцать лѣтъ, а уже пространство между молами и вокругъ ихъ заносится пескомъ и иломъ и съ каждымъ годомъ мелѣетъ. Время покажетъ необходимость бросить Одессу, или употребить милліоны на продолженіе молвъ.

Первымъ Градоначальникомъ Одессы былъ Дюкъ де Ришелье. Этого человѣка можно назвать цвѣтомъ и перломъ Французскихъ эмигрантовъ: онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе другихъ знавшихъ земляковъ своихъ, душа его пылала какимъ-то необыкновенно чистымъ огнемъ, онъ былъ способенъ чувствовать энтузіазмъ, искренно привязался ко второму отечеству своему, Россіи, и умѣлъ привязывать къ себѣ Русскихъ. Безъ семьи, безъ родства, онъ любилъ маленькій новый городокъ, дорученный его управленію, какъ нѣжное дитя, которое надлежало ему лелѣять, растить и воспитывать. Способы даны ему были чрезвычайныя, для умно-

женія народонаселенія дозволены ему всѣ средства, сотни тысячъ рублей могъ онъ употреблять, не давая никакого отчета. Однимъ словомъ, довѣренность къ нему даже самого Царя была неограниченная, и, къ чести его сказать должно что, онъ никогда ее во зло не употребилъ.

Отверстіе, сдѣланное произведеніемъ природы и раждающейся промышленности, которыя дотолѣ понакоплялись, пропадали и не имѣли, куда протекать, оживило всю Югозападную Россію. Помѣщики ея и крестьяне трудолюбивѣе принялись за хлѣбопашество, видя, какъ часто изъ погорѣлыхъ отъ солнечнаго зноя мѣстъ требовалась пшеница. Все способствовало увеличенію и обогащенію Одессы. Любезный, снисходительный характеръ Градоначальника, этотъ привольный родъ жизни, который умѣлъ онъ завести, совершенное отсутствіе этикета, не умѣтнаго въ торговомъ городѣ, среди степи раждающемся, все привлекало не только иностранцевъ, но и многихъ Польскихъ богачей. Надобно сказать правду: свой своему по неволѣ другъ, и Французы въ Одессѣ пользовались особеннымъ покровительствомъ и чрезвычайно тамъ поддерживались. Тысячи мелочей, предметы роскоши и потребности прихотей украсили едва построенныя лавочки; вездѣ Французскія вывѣски, Французскія моды, и посреди ихъ полуазіатскіе жители, Азіятскіе наряды и обряды, противоположностію своею еще болѣе поражали. У насъ явились Бордо и Марсель: кто не знаетъ, какое у насъ пристрастіе ко всему Французскому, даже послѣ всего, что было съ нами, и потому-то Одесса вошла въ большую моду.

Такіе необычайные успѣхи и въ столь короткое время заставляли ожидать еще важнѣйшихъ. Надобно было не однимъ городомъ ограничить счастливое управленіе Дюка де Ришелье, а распространить его на весь край, и онъ сдѣланъ Генераль-Губернаторомъ Новороссійскихъ Губерній. Но Одесса осталась навсегда исключительнымъ предметомъ его неусыпныхъ попеченій, а остальное какъ будто для нея только существовало.

Другія два Градоначальства, Феодосійское и Таганрогское, остались независимыми. Между Таганрогомъ, находящимся близъ Великороссійскихъ Губерній и отдаленной отъ него Одессой, со-

перничества быть не могло; одинъ портъ не могъ сдѣлать подрыва другому, а только невольно раждалась зависть въ жителяхъ Таганрога, при видѣ быстрыхъ успѣховъ Одессы. Одна только Феодосія, отовсюду удаленная и не имѣющая ничего, кромѣ произведеній Крыма на обмѣнъ привозимыхъ къ ней товаровъ, страдала отъ совѣстничества съ другими портами. Вообще же между Градоначальниками, не зависящими ни другъ отъ друга, ни отъ Генералъ-Губернатора, было соревнованіе, которое имѣло весьма полезное вліяніе на участь ввѣренныхъ имъ городовъ

Каждое изъ сихъ Градоначальствъ имѣло въ вѣдѣніи своемъ не одинъ только портовый городъ, но и большую еще дистанцію вдоль морскаго берега или Литторале, гдѣ устроены были Карантинныя и Таможенныя заставы и кордоны Карантинной и Таможенной стражи. Въ дистанцію Феодосійскаго Градоначальства вошли съ начала маленькіе города Керчь и Еникале и оставались до 1812 года, кѣгда Таганрогскій Градоначальникъ, Папковъ, какъ попечитель торговли по Азовскому морю, убѣдилъ Правительство, чтобы, по положенію ихъ при входѣ сего моря, они въ его управленіе поступили.

Учрежденіе Градоначальствъ и трехъ портовъ было пагубно для Керчи. Прежде того жители его поддерживались нѣсколько заграничной торговлей и была въ немъ нѣкоторая промышленность. Генералъ Феньшъ, первый Феодосійскій Градоначальникъ, ифротн, большой недобителъ древности, разрушилъ стѣны и башни Феодосіи, еще Генуезцами построенные, которыя время и варвары пощадилн, и потомъ ополчился и противъ Керчи. Онъ выпросилъ Указъ, чтобы запретили тамъ всякую выгрузку товаровъ и совершенно уничтожили Карантинъ и Таможню, тамъ существующіе. Видя разореніе города своего, большая, лучшая часть жителей, рѣшилась его оставить: не многіе перешли во враждебную, сосѣдственную Феодосію, откуда ударъ имъ былъ нанесенъ, а почти всѣ, имѣющіе капиталы и опытность въ торговыхъ оборотахъ, переселилась въ Таганрогъ и Маріуполь, гдѣ и до нынѣ находятся. Все, что осталось, можно назвать оборышью: люди бѣдные, грубые, числомъ въ обоихъ городахъ не болѣе полуторы тысячи, живущіе одной только рыбной ловлей въ проливѣ, пересушиваніемъ ея въ балыки, развозомъ ихъ по

всѣмъ ярмаркамъ Южной Россіи, и отдачей въ наймы пожало-
ванной земли, изъ коей большая часть остается не обработанною.

Возгорѣвшаяся въ 1806 году война съ Турками должна
остаться паялытю для Керчи. Здѣсь снарядилась и отсюда отпра-
вилась морская экспедиція къ Анатолійскимъ берегамъ, противъ
Требизонда. Въ слѣдъ за тѣмъ прибылъ сюда, въ 1807 году, Ге-
нераль-Губернаторъ Ришелье съ отрядомъ войскъ, переправился
черезъ Босфоръ и подступилъ къ Турецкой крѣпости, Анапѣ, за
Кубанью, у подошвы Кавказскихъ горъ лежащей. Но онъ на-
шелъ ее уже занятою, взявшимъ ее за нѣсколько дней до того
со стороны моря, Начальникомъ Черноморскаго флота, Марки-
зомъ де Траверсе, и потому вступилъ въ нее безпрепятственно.
Лавры, похищенные Маркизомъ у Дюка, должны были охоло-
дить сихъ Господъ Французовъ другъ къ другу, но душа по-
слѣдняго была превыше зависти. Онъ желалъ быть полезенъ, и
обозрѣніе Керченской бухты подало ему самыя счастливыя мы-
сли. Походъ его къ Анапѣ имѣлъ для Керчи важныя послѣд-
ствія, какъ мы ниже сего увидимъ.

Достовѣрно мы не могли дознаться, когда построена Анапа.
Она изъ четырехъ Турецкихъ крѣпостей, лежащихъ вдоль восточ-
наго берега Чернаго моря, есть крайняя и ближайшая къ Рус-
скимъ владѣніямъ. За чѣмъ онѣ тутъ? Какъ онѣ тутъ? Богъ знаетъ.
Правительство наше мало на нихъ обращало вниманія; около
нихъ Турецкаго ничего нѣтъ; они на землѣ мнимыхъ данниковъ
и явныхъ и тайныхъ враговъ нашихъ, Горскихъ народовъ, кото-
рымъ чрезъ нихъ Турки подвозятъ орудія и всякаго рода това-
ры и припасы. Въ 1791 году бралъ уже Анапу Графъ Гудовичъ,
и тотъ же годъ, по Трактату, отдалъ ее обратно; въ 1807 году
опять овладѣлъ ею Маркизъ де Траверсе, какъ мы выше сказа-
ли, потомъ приказалъ взорвать ея укрѣпленія, бросилъ ее и уда-
лился. Въ 1809 году безъ сопротивленія занялъ ее Генераль
Панчулидзевъ, а Дюкъ де Ришелье ходилъ далѣе и взялъ другую
крѣпость, Суджукъ-Кале. Въ 1812 году, при заключеніи Бухарест-
скаго мира, повторена прежняя овлашность, и онѣ возвращены
Турціи. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ чувствуютъ ошибку:
врочемъ, крѣпости сіи вредны въ мирное время, а въ военное
совсѣмъ не опасны: Генералы наши ходятъ брать ихъ шутя.

Теперь намъ предстоитъ дѣло весьма затруднительное: чтобы объяснить причины возрожденія Керчи, надобно изречь разсказать повѣсть о двухъ любовникахъ. Герой и героиня сего романа суть лица столь необыкновенныя, что мы не знаемъ, достанетъ ли искусства нашего для изображенія ихъ. Сіе, однако же, неизбежно. И такъ мы начнемъ съ героя.

Одинъ молодой Генуезецъ, по имени Скасси, за какія-то дерзкія шалости, говорятъ иные, за воровство, былъ выгнанъ изъ дому старшаго брата своего, искуснаго врача Нѣсколько времени шатался онъ въ Марсели, въ Ливорнѣ и другихъ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря, и исправлялъ тамъ самыя низкія должности, но онъ былъ сибѣливъ, проворенъ, весьма не глухъ, успѣлъ узнать всѣ состоянія людей и наблюдательно смотрѣлъ на слабости человѣческія: въ послѣдствіи времени все это много къ успѣхамъ его послужило. Вдругъ узналъ онъ, что въ какомъ-то Русскомъ, новостроющемся, приморскомъ городѣ, Одессѣ, охотно принимаются всякіе бродяги: въ предприимчивой головѣ его родились тысячи замысловъ, тысячи надеждъ, часть конухъ, къ сожалѣнію, время оправдало. Онъ захотѣлъ испытать счастья и поглядѣть, нельзя ли будетъ, преставъ слыть плугомъ, но преставъ обманывать людей и самому попасть въ люди. Съ первымъ оплывавшимъ кораблемъ онъ пожаловалъ въ Одессу; тамъ, съ начала, въ какомъ-то трактирѣ вступилъ онъ въ скропную должность маркера (это всѣ жители Одессы понимаютъ), и печально началъ считать было, въ упованіи, что со временемъ будетъ считать сотни тысячъ собственныхъ рублей. Но фортуна скоро ему улыбнулась; онъ возвысился въ достоинствѣ и поступилъ счетоводомъ въ контору торговаго дома Рено Отсюда ему уже повезло: далѣе и болѣе, наконецъ узналъ его самъ Градоначальникъ Ривелье, оцѣнилъ его достоинства и началъ употреблять для важныхъ порученій. Въ управленіи всякаго рода людя бывають нужды

Какъ бы ни обширны были нахренія Государства (Сказавъ что-ли онъ тогда думать, что онъ самъ попадетъ въ издалека правое? Чего на Руси не творится! Когда въ 1789 году Успенскій пошелъ къ Суджукъ-Кале, то взялъ его съ сабою: тутъ зашѣла оная разлающаюся взаимную нѣжность между Генуезцами и Чалмацкой горь, бывшей тогда уже женою Русскаго Комманданта въ

Анапѣ. Желая завести съ Абавинцами сношенія благопріятныя для Россіи, ласковымъ убхожденіемъ привлечь ихъ на нашу сторону и въ Керчи открыть новый источникъ богатства, онъ полагалъ, что можно страсть сихъ молодыхъ людей употребить, какъ полезное къ тому орудіе. Любовь должна была завязать узелъ, который бы въ послѣдствіи времени соединилъ просвѣщеніе съ варварствомъ, образованные народы съ дикими. Мысль прекрасная, достойная рыцаря и Француза. Исполненіе ея не замедлило; но прежде нежели о томъ будемъ говорить, должно на время оставить Скасси и обратиться къ его красавицѣ.

Молодая Черкешенка, взятая въ плѣнъ, привезена была, почти въ дѣтствѣ, къ первому Губернатору Тавриды, Каховскому, богатому, старому и холостому. Она была рѣдкой красоты, коей остатки и донинѣ, въ немолодыхъ ея лѣтахъ, еще видны. Прекрасное дитя природы, она усладила, она очаровала старость Губернатора: онъ окрестилъ ее и посвятилъ въ свои любовницы: дѣло не со всѣмъ Христіянское, но любовь заставляетъ все забывать, и стариковъ еще болѣе, чѣмъ молодыхъ. Въ уюеліи ея, Каховскій прожилъ нѣсколько лѣтъ и, изнуренный ея восторгамъ, умеръ въ объятіяхъ своей возлюбленной, оставляя ей большую часть всего своего имущества.

Привыкнувъ къ Европейскому образу жизни, сія женщина не забыла, однако же, родину, младенческія свои забавы, пріюты горъ, дикую и величественную природу Кавказа. Сдѣлавшись свободною, поспѣшила туда: радость ожидала ее въ кругу ближнихъ, она хотѣла навсегда тамъ остаться, но новыя привычки манили ее обратно въ Крымъ. Сосѣдство мѣстъ доставляло ей удобность часто удовлетворять потребностямъ, такъ сказать, двойной своей натуры.

Такая жизнь сдѣлала изъ нея существо совсѣмъ необыкновенное и оригинальное. Ея высокій, стройный станъ, какъ уголь черные глаза, смѣлыя ухватки, странныя выраженія, показываютъ въ ней Горскую породу. Все это, однако же, умѣряется благопрістойностію, вѣжливостію, свѣтскимъ обычаемъ: она любитъ наряжаться по послѣдней модѣ, являться въ токахъ, въ перьяхъ. Но вдругъ все это бросаетъ, ей становится душно, она

одѣвается Черкесомъ, накидываетъ на себя бурку, вооружается пистолетами, садится на коня, скачетъ по полямъ и вабирается съѣло на крутизны. Говорятъ, что въ прежнія времена никто не обгонялъ ее здѣсь на бѣгу, никто не умѣлъ такъ искусно плавать, ни такъ мѣтко стрѣлять изъ лука.

По преданіямъ древности, близъ сихъ мѣстъ жили Амазонки. Она во всемъ на нихъ похожа, но различается тѣмъ только, что, подобно имъ, не выжигала сосцовъ своихъ и никогда не лишала себя возможности быть супругой и матерью. Напротивъ того, ей слишкомъ знакома любовь, не это романическое, платоническое чувство, которое въ большихъ городахъ питается вздохами, надеждами, воспоминаніями. Ея ретивому сердцу нужно все положительное, совершенно естественное, ея любовь есть плачевная, необузданная, даже бѣшеная и неразборчивая иногда въ выборѣ предметовъ.

Сія мужественная жена, давно уже извѣстна всему Крыму. Замѣтивъ, что титулы крещеной Черкешенки и вдовствующей любовницы Губернатора Каховскаго не даютъ ей большихъ правъ на уваженіе, она задумала, приличнымъ супружествомъ и новымъ званіемъ, получить ихъ. Дѣло было не трудное: съ достаткомъ и остатками красоты ей легко было сыскать сѣдое и негнущее Превосходительство. Она соединилась съ Генераломъ Бухольцемъ, который былъ послѣ назначенъ Коммендантомъ въ Алапу, былъ тамъ съ нею во время похода Риншель къ Суджукъ-Кале, и тутъ-то въ первый разъ встрѣтилась она съ Г. Скасси.

Связи Итальянца съ Черкешенкой не могли остаться тайной. Риншель посредствомъ сихъ связей захотѣлъ положить основаніе другимъ, прочнѣйшимъ и полезнѣйшимъ, какъ мы выше сказали. Онъ предложилъ Господю Бухольцу путешествіе въ горы вмѣстѣ съ Скасси, а ему поручилъ развѣдать о народонаселеніи, о способахъ и о расположеніи къ намъ Натухайцевъ и Шапсуховъ, тѣхъ изъ Кавказцевъ, которые живутъ ближе къ Черному морю, и зная его сладкорѣчіе, его искусство убѣждать, велѣлъ ему представить имъ въ самомъ лучшемъ видѣ торговыя сношенія съ Россіей Перспектива путешествія на родину вмѣстѣ съ возлюбленнымъ, восхитила огненную Черкешенку, но опасности, съ

тѣмъ сопряженныя, были не по вкусу робкаго любовника. Отказаться было стыдно: онъ дрожащею ногою вступилъ въ стремя и пустился за нею.

Новая Аріядна, она не довольствовалась тѣмъ, чтобы дать только одну нить Тезею-Скасси; она съ радостию сама хотѣла предшествовать ему въ лабиринтъ Кавказскихъ горъ, среди безчисленныхъ Кентавровъ-Абазинцевъ, отклоняя отъ него, или раздѣляя съ нимъ, всѣ опасности и готовясь, если нужно, погибнуть съ нимъ *вмѣстѣ, être perdue ou retrouvée.*

Живы и цѣлы возвратились наши любовники чрезъ двѣ, или три, недѣли. Скасси побывалъ въ странѣ, куда далеко никто не заѣзжалъ, въ странѣ чудесъ; было что ему порасказать; славные бубны привезъ онъ изъ за горъ. Въ Европѣ есть нація, самая любезная, самая умная, храбрая и блистательная, но люди сей націи, даже самые степенные, всѣ болѣе или менѣе подвержены легкомыслію и легковѣрію. Между ими одна только грубая ложъ почитается ложью, а почти всякая другая—пріятной выдумкой, украшеніемъ истины и дополненіемъ, которое воображеніе дѣлаетъ къ тому, что дѣйствительно существуетъ. Ришельё былъ Французъ, съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ слушалъ Скасси, вѣрилъ ему, а онъ..... онъ вралъ безпощадно. Въ двѣ недѣли онъ все увидѣлъ, все распозналъ, со всѣми подружился, началъ выдумывать какія-то мудренныя названія мѣстъ и рѣкъ, тяжелыя для слуха и трудныя для выговора. Какъ водится между иностранцами, бранилъ и порицалъ Русскихъ, сихъ варваровъ, которые не умѣютъ взяться за этотъ прекрасный народъ. Онъ брался менѣе чѣмъ въ годъ завести съ нимъ самыя тѣсныя сношенія, даже отчасти образовать его, и такъ—ни чѣмъ—одними ласковыми рѣчами и обманомъ покорить подъ ноги Русскаго Царя сихъ враговъ и супостатовъ. Онъ и поднесъ еще обманываетъ, но только не ихъ.

Воротившись въ Одессу, Дюкъ де Рещильё не переставалъ думать о новыхъ планахъ своихъ: учрежденіе въ Керчи порта и Градоначальства, единственно съ цѣлію привлечь туда Черкесовъ, познакомить ихъ съ нашими обычаями, сотворить имъ новыя потребности, однимъ словомъ, сдѣлать первый шагъ къ образованію

и порабощенію ихъ, было постоянною его мыслію. Времена къ тсму не благопріятствовали, не только приводятъ въ исполненіе, но и предлагать ничего новаго, полезнаго тогда было не возможно. Грозно близился 1812-й годъ; онъ наступилъ, и Россія, любовію къ вѣрѣ, храбростію воиновъ, искусствомъ стараго полководца, непоколебимостію Царя, единомышленными усиліями, неожиданнымъ патріотизмомъ, пожарами и морозами, побѣдила всю Европу, подъ предводительствомъ Наполеона на нее нахлынувшю. Сей 1812-й годъ былъ также бѣдственъ и для Новороссійскихъ Губерній: жестокая зима, какой старожилы не запомнятъ, и моровая язва ихъ опустошала; особенно отъ чумы пострадала Одесса, Феодосія и Керченскій полуостровъ.

Но пока все это происходило, пока Наполеонъ побѣждалъ и былъ побѣждаемъ, что дѣлалъ Скасси? Переходъ не великъ отъ Корсики къ Генуѣ. Скасси попеременно жилъ то въ Одессѣ, то въ Анапѣ, собиралъ какія-то свѣдѣнія посредствомъ Госпожи Бухольцъ въ Кавказскихъ горахъ (но самъ туда болѣе не дерзалъ, даже и съ нею), и привозилъ свѣдѣнія сіи потомъ къ Дюку. Когда же Бухарестскимъ миромъ въ 1812 году отдана Анапа Туркамъ обратно, и Бухольцъ сдѣланъ Коммендантомъ въ Фанагорію, то Скасси перевелъ главную квартиру свою въ Керчь. Босфоръ раздѣлялъ тогда постоянныхъ любовниковъ какъ часто разсѣкали они волны его, спѣша на свиданіе! Случалось иногда, что Черкешенка, горя нетерпѣніемъ, бросалась вплавъ съ сѣверной косы къ Еникале, разстояніе болѣе шести верстъ, и Тезей съ Аривной обратились совершенно въ Геро и Леандра.

Буря въ Европѣ начинала утихать. Дюкъ де Ришельё прежде вторичнаго занятія Парижа, заплативъ болѣе, нежели кто изъ иностранцевъ, долгъ благодарности усыновившей его гостепріимной Россіи, поспѣшилъ исполнить первыя свои обязанности въ службу Отечеству и законному Королю своему. Всѣмъ извѣстно, какая блестящая участь ожидала во Франціи сего достойнаго чловѣка. На хвостъ орла сего хотѣлъ взлетѣть и паукъ Скасси, но Парижъ не степи Новороссійскія: много тамъ есть людей, подобныхъ Скасси, и поудалѣе его.

Прежде нежели онъ туда пріѣхалъ, посѣтилъ онъ отчизну свою, Геную. Тотъ, кто служилъ ему вмѣсто отца, съ нѣжностію

въ объятія свои принялъ блуднаго брата и велѣлъ готовить широкую блудный же братъ былъ ни нагъ, ни босъ, онъ одѣтъ былъ франтовски и грѣлъ тяжелымъ кошелькомъ съ деньгами разными средствами добытыми. Съ обыкновеннымъ искусствомъ своимъ представилъ онъ новую Россію, Тавриду и Кавказъ, какъ обѣтованныя земли, гдѣ текутъ медъ и молоко, гдѣ богатая жатва ожидаетъ руки искусныхъ и просвѣщенныхъ людей: увѣрить что онъ тамъ изъ числа почетнѣйшихъ, и что ему предназначено сдѣлать тамъ славное себѣ имя. Но для великихъ предпріятій потребны капиталы; онъ обѣщался удесятерить ихъ, когда они ему даны будутъ. Словомъ, онъ успѣлъ совершенно ослабить Доктора, разшевелить его честолюбіе и вкратъ въ его довѣренность, и когда сей бѣднякъ проливалъ слезы радости, слушая его, гордился имъ, злодѣй! онъ замышлялъ его ограбить. Онъ выманилъ у него довѣренное письмо къ банкирамъ на неопредѣленную сумму, и поспѣшилъ съ нимъ въ Парижъ.

Тамъ нашему онъ покровителя своего Ришельё, который, однако же, во Франціи ничего въ пользу его сдѣлать не могъ. Скасси же самъ успѣлъ тамъ сдѣлать слѣдующее: захватить, на имя брата, 50 т. франковъ * и вымучить у Дюка разные проекты, имъ оставленные, о Керчи и Черкеской торговлѣ и рекомендательное письмо къ Графу Несельроду.

Съ проектами, съ рекомендаціями и съ деньгами явился онъ въ Сѣверной столицѣ въ концѣ 1816 года. Россія такъ богата вновь пріобрѣтенными землями; Русскіе такъ много заботились о чинахъ, и такъ мало сдѣлали себѣ имени; иностранцы такъ у насъ во всеиъ предпочитаютъ, что всякій сорванецъ, лишь бы былъ чужеземный, можетъ смѣло выдавать себя за великаго человѣка, предлагать разныя перемены въ управленія частей, ему вовсе не знакомыхъ, браться за все, и Министерство, если не всегда будетъ съ нимъ соглашаться, то со вниманіемъ будетъ его выслушивать. Имѣя даръ слова и мѣстныя познанія

* Достоверно знаютъ въ Одессѣ, что изъ сей суммы выплачено старшему брату Скасси только шесть тысячъ франковъ, а остальное за нимъ пропадетъ. Докторъ пишетъ ко всѣмъ, жалуется, называетъ своего единоутробнаго пошлякомъ, разбойникомъ, а тотъ тому только смѣется.

о Керченскомъ полуостровѣ, Черноморіи и Кубани, Скасси началъ толковать объ нихъ въ гостинныхъ, куда онъ втерся, и ему дались, какъ челоѣку, открывшему совсѣмъ неизвѣстныя земли. На увороваыя у брата деньги онъ угощалъ, давалъ обѣды случайнымъ людямъ, и прослылъ богачемъ, который изъ Италіи привезъ большія суммы, для важныхъ заведеній въ Южной Россіи.

Надобно было такое усердіе вознаграждать. Менѣе не лзя было сдѣлать, какъ пожаловать его прямо въ Надворные Совѣтники, причислить къ Иностранной Коллегіи, назначить его какинъ-то Коммиссаромъ какой-то не существующей еще торговли съ Абазинцами, дать ему хорошее жалованье и мѣстопробываніе его избрать Керчь, съ правомъ ѣзжать оттуда, какъ и когда ему угодно, по его усмотрѣнію. Такимъ образомъ вступилъ онъ въ службу въ 1817 году.

Ему было нужно сдѣлать первый шагъ: онъ на немъ не долженъ былъ остановиться. Послѣ долгаго отсутствія, воротился онъ наконецъ въ Керчь, и нашелъ тамъ Госпожу Бухольцъ уже довольно состарѣвшуюся, а мужа ея Коммендантомъ въ Еникале. Онъ предложилъ ей дружбу въ заиѣнъ любви, уже невозвратной въ обонхъ погаснувшей. Она была способна чувствовать и то и другое, а онъ лишь только употреблять ихъ для своихъ видовъ. Послушная велѣніямъ дружбы, какъ нѣкогда готовая всѣмъ жертвовать для любви, она неоднократно, не щадя покоя своего, въ угожденіе ему, ѣздила въ самую глубь Кавказа. Странія тщетныя! Препятствія остались непреодолимы: они въ обычаяхъ и въ уединенныхъ, храбрыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроломныхъ народовъ.

Такія препятствія разохотили бы всякаго другаго, но Скасси ими устрашить не могли. Недостатокъ въ настоящихъ успѣхахъ началъ онъ замѣнять вымышленными, удвоилъ, устроилъ въ себѣ безстыдство, и болѣе нежели когда пустился агать. Ни разу не ступалъ онъ ногою за Кубань, а въ донесеніяхъ своихъ Министерству онъ успѣлъ уже въ какомъ-то Ишадѣ, котораго отъ роду не бывало, заключить торговый договоръ съ Абазинцами, а Господинъ де Дебу де Мариныи, Французскій Вице-Консулъ

въ Θεодосіи и пріятель его, въ четырехъ литографированныхъ рисункахъ, успѣлъ уже передать потомству знаменитые его подвиги: появленіе его между Горцами, совѣщанія съ старѣйшинами, заключеніе этого Пшадскаго трактата, и наконецъ первую мѣну товаровъ.

Хотя мы много совѣсти и не полагаемъ въ Г. Скасси, но вѣрно иногда ему было совѣстно и смѣшно, видя, какъ легко ему дурачить Русскихъ. Его смѣлость, его наглость возрастали съ легковѣріемъ Министерства. Впрочемъ, и мудро было дознаться до правды. Кто могъ изобличать его? Кому бы пришла охота ѣхать во внутрь Кавказа съ тѣмъ только единственно, чтобы допросить, знаютъ ли тамъ еще Скасси? Завѣса горъ, пропастей и дебрей и поднесъ еще скрываетъ истину.

Можно было только судить по однимъ послѣдствіямъ. Его спросили наконецъ: да гдѣ же эта торговля, эта обѣщанная прибыль, эта довѣренность Черкесовъ, отъ связи? Тогда онъ началъ извиняться недостаткомъ способовъ, ему данныхъ, обвинять слишкомъ строгія мѣры, принимаемыя Командующимъ въ Грузіи, Генераломъ Ермоловымъ, противъ Горскихъ народовъ, и самое удаленіе большихъ городовъ, въ которыхъ торговля, роскошь и всѣ наслажденія образованной жизни могли бы предъщать и привлекать сихъ дикарей. И на сей конецъ рѣшился онъ предложить учрежденіе новаго порта въ Керчи.

Онъ вспомнилъ, что землякъ его, Рибасъ, былъ отцемъ Одессы, и что только перемѣна царствованія и обстоятельствъ не допустила его собрать плоды его стараній. Разгорѣлись въ немъ честолюбіе и жадность къ интересу. Милліоны во снѣ ему начали сниться: онъ видѣлъ, какъ они уже отдаются въ его распоряженіе, онъ видѣлъ себя первымъ Градоначальникомъ по предложенію его созидаемаго города. Съ тѣхъ поръ интриги его, проски выѣли уже постоянную цѣль.

Къ достиженію ея ему нужно было орудіе. Въ Новороссійскихъ Губерніяхъ начальствовалъ тогда Графъ Ланжеронъ, землякъ, родственникъ Дюка де Ришельё, пріятель его и товарищъ въ счастіи и несчастіи. По всѣмъ снѣмъ уваженіямъ избравъ онъ былъ его преемникомъ; но не въ одну форму природа вы-

для сихъ людей. Съ тѣхъ коръ, какъ свѣтъ стоитъ, неосновательнѣе Графа Ланжерона еще ничего видно не было. Добрый и честный человѣкъ, храбрый на войнѣ, пріятный въ обществѣ, любезный балагуръ, Французъ по превосходству, онъ созданъ былъ для того, чтобъ находиться Посланникомъ при какомъ ни будь маленькомъ Нѣмецкомъ, или Италіянскомъ, Дворѣ, или управить гдѣ ни будь Придворнымъ Театромъ. Революціонною бурей выброшенный изъ своего Отечества, онъ беззаботно и весело прожилъ вѣкъ въ чужой землѣ и дослужился у насъ до высокаго чина и голубой ленты. Доживъ почти до семидесяти лѣтъ, онъ сохранилъ легкій тонъ Версальскаго царедворца, остался двадцатилѣтнимъ Французскимъ Полковникомъ и не перестаетъ писать куплеты и говорить каламбуры. Нашли, что онъ не годится командовать Корпусомъ, и дали ему въ управленіе край, который обширностію своею можетъ почитаться цѣлымъ Королевствомъ. Такой человѣкъ былъ находка для Скасси.

Во первыхъ, будучи твореніемъ Дюка де Ришельё, онъ имѣлъ наследственное право на покровительство и пріязнь Графа Ланжерона. Смыъ пользуясь, безъ церемоніи предложилъ онъ ему способствовать учрежденію въ Керчи центрального порта, и себя Градоначальникомъ. Чтобы болѣе заинтересовать его въ семь лѣтъ, купилъ онъ для него, за безцѣнокъ, въ 25 верстахъ отъ Керчи, маленькую осѣдлость, небольшое помѣстье Тибичекъ, съ небольшимъ при немъ солянымъ озеромъ, и виноградный садъ подлѣ Еникале, расписалъ саными блестящими красками будущую торговлю съ Черкесами посредствомъ новаго Керченскаго порта, и наконецъ убѣдилъ его тѣмъ, что учрежденіе порта будетъ дѣлаться подъ руководствомъ и распоряженіями его, Графа Ланжерона, что вся честь и слава отъ того къ нему отнесется, а въ удѣлъ Скасси останутся труды, и что, ниѣя уже въ своемъ завѣдываніи Одессу, потомъ Керчь, это послужитъ поводомъ къ подчиненію ему остальныхъ двухъ Новороссійскихъ портовыхъ городовъ. «*Ma foi, c'est charmant, mon cher Scassi!*» воскликнулъ Ланжеронъ, и началъ дѣйствовать.

Въ Петербургѣ его не очень слушались, особенно же сіе дѣло встрѣтило большія затрудненія. Всѣ Министры, исключая Графа Нессельрода, упорно тому противились, болѣе же всѣхъ

скупой и вмѣстѣ съ тѣмъ нерасчетливый Министръ Финансовъ Гурьевъ. Къ тому же, пользуясь тишиной, въ Европѣ воцарившейся, и путешествуя въ продолженіе послѣднихъ годовъ по отдаленнѣйшимъ сторонамъ своей Имперіи, покойный Государь, равно какъ и Великіе Князья, братья его, удостоили Керчь своимъ посѣщеніемъ. Взглядъ на сей городъ не имѣлъ ничего привлекательнаго: народонаселенія вокругъ его мало, все представляеть развалины, могилы и запустѣніе, и онъ имъ отъменно не понравился. Жители Феодосіи и Таганрога, провѣдавъ объ умыслахъ Скасси и ожидая отъ нихъ для себя самыхъ вредныхъ послѣдствій, послали своихъ денутатовъ, и съ своей стороны всѣми мѣрами старались отвратить Правительство отъ предлагаемыхъ переимѣнъ. Препятствія со всѣхъ сторонъ возрастали.

Вотъ тутъ-то надобно было Скасси явить себя достойнымъ роли, которую онъ на себя принялъ, и по всей справедливости должно сказать, что онъ превзошелъ себя. Слѣдовать за нимъ во всѣ непрерывныя путешествія его изъ Керчи въ Петербургъ, Москву и Одессу, среди всѣхъ многосложныхъ и хитросплетенныхъ его интригъ, было бы дѣло невозможное и напрасное. Довольно будетъ сказать, что онъ нашелъ дорогу въ переднія всѣхъ Министровъ и въ кабинеты нѣкоторыхъ изъ нихъ, что онъ вошелъ въ милость къ знатымъ дамамъ, старался угадывать и предупреждать ихъ желанія, кланялся, просилъ, убѣждалъ Директоровъ Канцелярій, дружилъ съ Канцелярскими, знакомился съ любовницами и Каммердиенерами, употреблялъ искательства и ласкательства, а гдѣ нужно, то и нахальство, словомъ, приводилъ въ движеніе всѣ пружины, и наконецъ добился до желаемого. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1821 года изданъ Указъ объ учрежденіи въ Керчи порта и Градоначальства, и утверждены Штаты его.

Покойный Государь неохотно согласился на то: онъ лучше Министровъ видѣлъ невозможность этой Черкесской торговли, и хотѣлъ, чтобы сдѣлана была только проба. Одинъ Графъ Нesselrode за это дѣло чрезвычайно горячо принялся. Отъ чего Керчь и Скасси такъ постоянно пользуются его высокимъ покровительствомъ? Это осталось загадкой для всѣхъ и тайной между нимъ и Г. Скасси. Будучи зятемъ Министра Финансовъ, Гурьева, онъ и его склонилъ на свою сторону, другіе же Министра

в Члены Государственнаго Совѣта дали свое согласіе довольно рѣшительно и, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы отвязаться отъ Скасси.

Не совсѣмъ, однако же, исполнилися его желанія: Градоначальникомъ его не сдѣлали. Но нѣтъ худа безъ добра: въ Россіи очень часто такой чинъ препятствуетъ достойному человѣку получить мѣсто, которое бы онъ съ пользою для службы могъ занять; но за то иногда случается, что ни какая протекція помощь не пожетъ какому ни будь иностранному шуту къ полученію мѣста повыше, если онъ заблаговременно не подумалъ запастись чинами. Сіе самое случилось съ Скасси. Онъ полагалъ, что всегда пожетъ онъ перескакивать черезъ чины, и не зналъ, что у насъ, попавши разъ на дорогу, постепенно по ней надобно ити. Чтобы его утѣшить и не лишитъ надежды, оставили мѣсто Керченскаго Градоначальника вакантнымъ и его подвинули, произвели въ слѣдующій чинъ, составили для него Штатъ, назвали его Попечителемъ Керченской торговли съ Абазинцами и Черкесами, дали ему на Канцелярію и расходы по 35 т. рублей ежегодно, да 200 тысячъ заимообразно безъ процентовъ (и, вѣроятно, безъ отдачи) на разныя коммерческія заведенія. Сверхъ того, велѣно ему безпошлинно отпускать нѣсколько тысячъ пудъ Крымской соли, для продажи ее Гърцамъ за саную ушренную цѣну.

Вотъ какимъ образомъ человѣкъ, родившійся далеко отъ Россіи, завлеченный въ нее слѣдствіями развратной молодости, состоянія низкаго, безъ правилъ, безъ познаній, вооруженный только мѣднымъ лбомъ, пронырствомъ своимъ успѣлъ захватить довѣренность Правительства, получить чины и большія суммы, и слыветъ человѣкомъ нужнымъ. Теперь уже онъ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ двухъ Россійскихъ Орденовъ; въ Отецествѣ своемъ также досталъ онъ нынѣ дешевою цѣною почетные титулы: онъ Членъ Академіи Аркадовъ въ Римѣ и Кавалеръ Ордена, которымъ былъ украшенъ искусный Пинетти, Ордена Золотой Шпоры. Приличнѣй всего бы называться ему Кавалеромъ Промышленности, въ томъ смыслѣ, какъ слово сіе во Франціи приимается.

Такие люди, каковыя вотъ Кавалеръ де Скасси, въ старину бывали не рѣдки. Иные изъ нихъ владѣли секретомъ дѣлать

золото, иные имѣли сообщенія съ духами и съ невидимымъ міромъ и предсказывали будущее, а иные, среди площадей, взгромоздившись на доски, въ пестрыхъ нарядахъ, непонятнымъ языкомъ, продавали лѣкарства отъ всѣхъ болѣзней. Волхвы и чародѣи, Алхимисты, Астрологи и шарлатаны, всѣ обманывали народъ. Въ особенности же Италія, которая нѣкогда давала законы міру, въ поработненіи и безсиліи своемъ, изобиловала такими людьми: ея сыны, уже не оружіемъ, а хитростію, старались овладѣть другими. Съ умноженіемъ просвѣщенія, число такого рода людей уменьшается. Въ новѣйшія времена перемѣнились совѣтъ ихъ занятія и самое имя; ихъ зовутъ нынѣ во Франціи *aventuriers*, а въ Россіи еще для нихъ названія не приискано; ибо природныхъ въ ней было очень мало, или, лучше сказать, до таинственнаго Старинкевича, и ни одного въ ней не бывало.

Не будемъ къ нимъ слишкомъ строги; сознаемся, что для поддержанія себя въ опасномъ положеніи, которое они избрали, имъ потребны умъ, смѣлость и дѣятельность чрезвычайная. Завидовать ихъ успѣхамъ также не должно: какъ дорого они за нихъ платятъ! Они не знаютъ ни покоя, ни дружбы, ни довѣренности, живутъ всегда одни съ собою, всего страшатся, во всякомъ проницательномъ взглядѣ видятъ обвиненіе, всѣмъ жертвуютъ своенравной богинѣ, Фортунѣ; вотъ какъ течетъ ихъ несчастная жизнь, и почти всегда какой ужасный конецъ ихъ ожидаетъ! Вспомнимъ жребій двухъ славнѣйшихъ изъ нихъ людей въ прошедшемъ вѣкѣ, Θεодора Нейгофа, который нѣсколько времени былъ Королемъ Корсиканскимъ, и Юсифа Бальзами, который, подъ именемъ Графа Калиостро, морочилъ всю просвѣщенную Европу. Одинъ изъ нихъ умеръ на соломѣ, въ Лондонской тюрьмѣ, куда былъ посаженъ за долги, а другой окончилъ жизнь въ Римѣ, въ тюрьмахъ Инквизиціи. Сохрани Боже нашего героя отъ подобной участи! Мы зла ему не желаемъ, а желаемъ ему даже успѣховъ, но только, чтобъ они были не столь позорны и не столь накладны для Россіи.

Мы забыли сказать, что съ утвержденіемъ порта въ Керчи, въ 1821 году, подчинили всѣ Градоначальства Новороссійскому Генераль-Губернатору: все равно, если бъ ихъ уничтожили. Градоначальникъ нуженъ тамъ, гдѣ еще ничего нѣтъ, или гдѣ мало

что сдѣлано; это не есть постоянная должность, это коммиссія, это довѣренный постъ. Тамъ, гдѣ уже все приведено въ устройство, гдѣ дѣла текутъ своимъ порядкомъ, гдѣ торговыя сношенія совсѣмъ установились, такіе портовые города должны быть вмѣстѣ съ гѣмъ и Губернскими, какъ Архангельскъ, Ревель, Рига и Астрахань, или должны бѣть подчинены мѣстному Губернскому Начальству, какъ Либава и Нарва. Первые Градоначальники назначались послѣ строгаго выбора, за то они облечены были довѣренностію почти неограниченною, имѣли большую власть и могли съ способностями и усердіемъ бѣть весьма полезны. Нынѣ же Одесскій Градоначальникъ есть Оберъ-Полицеймейстеръ, а прочіе не много повыше обыкновенныхъ Городничихъ. Въ другихъ портахъ пусть бы такъ: благосостояніе ихъ отнынѣ будетъ зависѣть отъ политическихъ обстоятельствъ, но въ раждающей Керчи не знаемъ, хорошо ли это?

Съ исполненіемъ Указа объ учрежденіи Керченскаго порта все шло отиѣнно медленно, исподоволь и какъ будто не хотя, На силу къ концу 1822 года открыты въ немъ Портовая Карантинная Контора и Первокласная Портовая Таможня. Инспекторомъ Карантиннымъ присланъ Армейскій Полковникъ фонъ Денъ, и ему же покамѣстъ велѣно было исправлять должность Градоначальника. Этотъ Полковникъ былъ воспитанъ въ одномъ изъ Кадетскихъ Корпусовъ, зналъ очень хорошо фронтъ, любилъ порядокъ, чистоту, особенно же эту наружную чистоту, которая съ нѣкотораго времени въ Россіи такъ тщательно соблюдалась. Впрочемъ, онъ былъ весельчакъ, любилъ играть въ карты, поить, поѣсть и погулять, въ книги никогда не заглядывалъ, терпѣть не могъ ничего печатнаго, и читалъ одни только Приказы въ Империаль. Усердствуя, какъ умѣлъ, устройству вѣрренныхъ ему городовъ, онъ тотчасъ приказалъ по дорогамъ и улицамъ срывать и ровнять всѣ бугорки, засыпать ихъ камушками, посыпать песочкомъ и по бокамъ прорывать канавки. Около крѣпостей надолбы и перила началъ тотчасъ красить казенной краской, и съ негодованіемъ ввѣдъ древнюю церковь, изъ дикаго камня построенную, почернѣвшую отъ столѣтій, мимо ея пролетѣвшихъ, скорѣе велѣлъ ее сбѣлить. Словомъ, Керчь и Еникале сдѣлались хоть на показъ; прѣхавши въ нихъ, можно было почесть себя въ военныхъ поселеніяхъ.

Легко можно представить собѣ отчаянныя Грековъ, неоприятнѣйшихъ изъ людей. Не за долго предъ тѣмъ воротился Скарси давно уже покровитель двухъ городовъ и провидѣніе ихъ жителей. На пространномъ полѣ интриги заставляеть Бомарше говорить Алиавиву: «Надобно все обрабатывать, даже тщеславнаго глупца.» Слѣдуя сему правилу, Скарси всегда ласкаетъ Керченскую чернь и питаетъ спесь въ сихъ грубыхъ невѣждахъ. Они бросились къ нему съ жалобами, онъ пожимаетъ плечами и думаетъ надѣяться, что при немъ такъ не будетъ.

Все это не долго продолжалось. Чрезвычайная перемена скоро послѣдовала во всей краю; захотѣли, наконецъ, чтобы Новая Россія обрусѣла, и въ 1823 году прислали управлять ее Русскаго барина и Русскаго воина. Слишкомъ много хвалятъ Графа Воронцова намъ не позволено; съ некоторою основательностію будутъ подозрѣвать насъ въ пристрастїи. Оставляя все что онъ сдѣлалъ полезнаго вообще, скажемъ только, что онъ такое былъ въ отношенїи къ Керчи. Въ Августѣ мѣсяцѣ 1823 года посѣтилъ онъ сей городъ; какъ Кесарь, онъ пришелъ, увидѣлъ и... въ мигъ распозналъ истину съ ложью. Хищера Черкеской торговли предъ нимъ исчезла, и, кажется, онъ первый умѣлъ понять дѣйствительную пользу, настоящія выгоды, которыя Государство со временемъ получать можетъ отъ Керченскаго порта.

Со внутреннимъ убѣжденїемъ посѣвшиль онъ ходатайствовать у покойнаго Государя за Керчь, и чрезъ два мѣсяца, именно въ Октябрѣ 1823 года, въ городѣ Вознесенскѣ, по докладу его, назначенъ первымъ Керчь-Еникольскимъ Градоначальникомъ Генералъ Б...вскій, давнишній его сослуживецъ и котораго похвальныя свойства ему коротко были извѣстны.

Какой неожиданный ударъ для надменнаго Скарси! Всѣ его замыслы, какъ дымъ, должны были исчезнуть. Отъ досады онъ не допнулъ, но глубоко скрылъ ее въ коварномъ Италіанскомъ сердцѣ своемъ. Привыкнувъ всегда носить личину онъ ласкался къ Графу Воронцову, улыбался Б...вскому и страдалъ безъ сильными желанїемъ вредить столь благонамѣреннымъ людямъ.

Со всею приверженностію къ Графу Воронцову, со всѣмъ уваженіемъ къ Б...вскому, и, прибавимъ еще, съ изряднымъ такъ самолюбіемъ, скажемъ правду: какъ первый сей выборъ для Керчи, такъ и послѣдующій были неудачны. По неволѣ людей посылать не должно: Генераль Б...вскій, равно какъ и преслѣзавшій его, много въ своей жизни обязаные Графу Воронцову, не могли противиться его желаніямъ, и пожертвовали пріятности жизни его полезнымъ намѣреніямъ. Умный и осторожный, Б...вскій есть рабъ своего слова и рабъ всѣхъ обязанностей своихъ; онъ чрезвычайно акуратень, менѣ чѣмъ должно онъ ни какъ не сдѣлаеть, но и болѣе также никогда. Онъ слишкомъ два года терпѣливо перенесъ Керченскую жизнь, какъ птица на вѣткѣ, во время непогоды, выжидая лучшаго времени и никакъ не думая вить гнѣзда, онъ ничего тамъ не захотѣлъ завести. Онъ дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ все держать въ порядкѣ, почиталъ себя болѣе исполнителемъ распоряженій высшаго Начальства, былъ правдивъ, ни какихъ личностей себѣ не позволялъ. Съ Скасси подъ конецъ былъ онъ въ явномъ несогласіи, но всѣ ядовитыя стрѣлы Итальянца скользили только о непоколебимое его хладнокровіе. Керчь была для него, какъ уродливая жена, которой, давши слово въ вѣрности, онъ, какъ честный человѣкъ, не могъ измѣнить, и которой, кромѣ любви, онъ ни въ чемъ не отказывалъ. Настоящая жена его, та, съ которой онъ соединенъ передъ самымъ сюда прибытіемъ, была единственною его отрадой въ сей пустынѣ. Воспитанная въ столицѣ, она любила, если не шумныя веселости, то пріятности общезжитія, а здѣсь ихъ совсѣмъ была лишена. Ея таланты, любезность и скромность еще болѣе были замѣтны въ кругу этихъ глупыхъ и злыхъ чиновницъ, бывшихъ прачекъ.

Во время управленія Г. Б...вскаго, ничто не дѣлалось въ Керчи подъ наблюденіемъ его, но по распоряженіямъ и по проектамъ, утверждаемымъ самимъ Генераль-Губернаторомъ. Въ началѣ 1826 года, согласно съ сильнымъ его желаніемъ, оставилъ онъ здѣшнее мѣсто и переведенъ Градоначальникомъ въ Феодосію. Тогда-то Керчь осталась на жертву Лигурійцу Скасси и одному Вандалу, Синельникову, карантинному Инспектору, которому поручено было временно градоначальствовать.

Намъ теперь больше ничего не остается, какъ описать городъ сей, въ который мы прибыли въ началѣ нынѣшняго 1827 года.

Надобно почти вѣхатъ въ него, чтобы его увидѣть. Дорога изъ Феодосіи, съ послѣдней станціи, идетъ все на изволокъ, переломъ дѣлается верстахъ въ двухъ съ половиною отъ Керчи, подлѣ такъ называемаго Золотаго Кургана. Этотъ курганъ можно почестъ горой, онъ изъ земли и каменьевъ сложенъ, а Золотымъ названъ по тому, что, когда роятся въ немъ, почти всегда въ гробницахъ находятъ золотыя вещи. Суевѣрные рассказываютъ, что подъ нимъ засажена какая-то дѣвица, сотворившая страшное преступленіе, за то проклятая и осужденная сидѣть цѣлыя столѣтія въ подземельѣ, пока не сыщется добрый человѣкъ, который согласился бы благословить ее. Говорятъ, что по временамъ она является, ночью печально бродитъ вокругъ кургана, завидя всякаго проходящаго спѣшитъ къ нему съ мольбою, а онъ, не думая давать благословенія, съ ужасомъ отъ нея удаляется.

Отъ этого кургана начинается непримѣтно спускаться. Скоро открывается множество разбросанныхъ каменныхъ избышекъ, построенныхъ Русскими поселенцами, и которыя со временемъ, по утвержденному плану, должны составить новые кварталы города. Наконецъ вѣзжаемъ и въ Керчь, то есть, въ главную и почти единственную улицу сего города, которая отъ первыхъ прочныхъ строеній до крѣпости имѣетъ длины болѣе версты. Она идетъ по косоугору довольно высокихъ холмовъ и Митридатовой горы; дойдя же до нея, между ею и крѣпостью, у подошвы ея лежащей, поворачиваетъ въ право и ее обходить: можно сказать весь городъ лежитъ у ногъ Митридата. * По обѣимъ сторонамъ этой главной улицы идутъ еще двѣ другія, не столь длинныя и не столь обстроенныя и соединяющіяся съ нею переулками. Паралельныхъ улицъ болѣе дѣлать не возможно: съ права гора, а съ лѣва болото, низменное мѣсто, куда стекаются ручьи изъ всѣхъ фонтановъ и которое, при сильныхъ

* Народъ называетъ эту гору просто Митридатъ. Говорятъ: «Ой была Митридатъ, я пойду на Митридата.»

вѣтрахъ съ моря, затопляется. Первая половина большой улицы довольно широка, идетъ по прямой линіи и отстроилась только съ учрежденія Градоначальства, другая же, составлявшая старый городъ, и крива, и коса, и грязна. Пять, или шесть, вновь построенныхъ каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ даютъ Керчи видъ города.

Народонаселеніе все еще простирается не болѣе какъ до 2,500 душъ въ обоихъ городахъ; если все такъ пойдетъ, какъ шло до нынѣ, то трудно ожидать, чтобы оно умножилось. Таврическая Казенная Палата, обязанная отчетностію Министерству Финансовъ, очень строго поступаетъ при перечисленіи жителей изъ другихъ Губерній; общества, при увольненіи людей, желающихъ переселиться въ Керчь, неохотно даютъ свое согласіе, а для принятія ихъ здѣсь встрѣчается еще болѣе затрудненій.

Съ начала Керчь была многочисленная Греческая колонія, девять-десятихъ изъ ея населенія разошлись, но остальное удержало за собой всѣ привилегіи, права и выгоды, которыя имъ Императрицею Екатериною пожалованы. Какая за то отъ нихъ польза Государству? Ни какой Всякая Нѣмецкая, или другая какая, колонія съ столь давняго времени и при столь выгодномъ мѣстоположеніи сдѣлалась бы знаменитою. А между тѣмъ сѣн Керченскіе Греки воображаютъ, что ихъ однихъ Правительство имѣло въ виду, учреждая здѣсь портъ. Скасси ихъ въ томъ увѣрилъ. На сѣхъ, обѣщавъ онъ имъ хлопотать въ Петербургѣ, чтобы дано имъ было муниципальное правленіе, и чтобы всѣ Полицейскія власти и даже Градоначальникъ были ими и изъ среды ихъ избираемы; онъ тронулъ слабую сторону ихъ тщеславія. Эти люди, столь хитрые въ мелочныхъ обманахъ, но которые въ глубокомъ невѣжествѣ своемъ далѣе носа своего ничего не видятъ, охотно вѣрятъ ему. При такомъ расположеніи умовъ, какъ трудно всякому иностранному капиталисту, а кольми паче Русскому, которыхъ также они называютъ иностранцами, да еще и худшими, рѣшиться что ни будь завести и войти въ ихъ сословіе! Они сами всячески тому противятся, а безъ ихъ согласія нельзя быть Керченскимъ жителемъ; когда же они согласятся, то въ какой жестокой надобно быть отъ нихъ зависимости! ибо какъ они одни избиратели и избираемые, то всегда имъ надобно кланяться.

Русских простолюдиновъ они охотно принимаютъ, зная въ проворство и трудолюбіе. Они ихъ за дешевую цѣну нанимаютъ, а высокой тѣ отъ нихъ просить не смѣютъ. Но если кто изъ нихъ порасторгнется, поразживется и начнетъ состояніемъ равняться съ Греками, то надобно видѣть, какъ излудитъ всѣхъ и него нападать, привязываться къ нему, мѣшать ему во всемъ. всѣхъ усилія Градоначальника едва могутъ спасти его. Этимъ Крымскимъ Грекамъ или Татаро-Грекамъ, ибо они не только исторію Греціи, или же ученаго Еллинскаго языка, но и того, которымъ нынѣ Греками говорится, не знаютъ, а говорятъ всѣ только и Татарски, этимъ варварамъ сказалъ кто-то, что въ древности былъ какой-то городъ Лакедемонъ, коего жители, Спартанцы пользовались совершенною свободою и имѣли у себя Илотовъ съ которыми могли, какъ съ собаками, обходиться. Ишь уверили, что они происходятъ отъ этихъ Спартанцевъ, и что по примѣру предковъ, должны имѣть своихъ Илотовъ. И эта сводочъ, эти люди, изъ коихъ нѣтъ ни одного, которые бы могли понасть къ купцы 3-й гильдіи, между коими тотъ почитается богачемъ, кто до 30 тысячъ рублей имѣетъ въ оборотѣ и на нихъ крохоборствуетъ, каждый изъ нихъ имѣетъ по одной или двѣ семьи Илотовъ. Каждый годъ ѣздитъ онъ на ярмарки: Роменскую, Харьковскую и Коренную, и развозятъ балыки; купцы, которые у нихъ покупаютъ, получаютъ отъ мотоватыхъ помѣщиковъ, вѣсто должныхъ денегъ, живыхъ людей, и ими платятъ Грекамъ за копченую рыбу; разувѣется, что купчія совершаются на чужое имя. О стыдъ имени Русскаго! Сердце раздирается, когда услышишь вопли сихъ несчастныхъ единоземцевъ, терзаемыхъ самыми презрѣнными изъ пришельцевъ. * Бывшій Градоначальникъ, Б... векій, не могъ остаться равнодушнымъ къ нештествамъ Грековъ; пользуясь Указомъ 1823 года, онъ Полицейскою властію, безъ церемоніи, началъ отбирать людей у тѣхъ, кон не имѣли

* Въ Армянскомъ городѣ Нахичеванѣ, подлѣ Тагаирова, житье еще хуже, чѣмъ у этихъ невольниковъ. Какъ городъ сей многочисленъ, богаче Керчи и весь населенъ Армянами, то защитить Русскихъ крѣпостныхъ людей совершенно вѣжкому. Послѣдній мясникъ имѣетъ въ своемъ хозяйствѣ двѣ тысячи и обращается съ ними, какъ Европейцы съ Неграми. Жребій ихъ облетчается, тогда они начинаютъ Армянскую вѣру.

рава или владѣть; многихъ избавилъ онъ такимъ образомъ отъ рока; но что же вышло? Все его возненавидѣло; и Скасси обратился случаю, началъ подстрекать Грековъ, они послали прошенія въ Сенатъ, оттуда потребовались объясненія и начались дѣла. Чѣмъ они кончатся, неизвѣстно, а извѣстно только то, что старый вѣтреникъ, Ланжеронъ, у Сенаторовъ; а Скасси у Оберъ-секретарей, хлопчутъ за жителей de leur honne ville de Iertsch.

Началомъ всѣхъ неприятностей и потомъ несчастій для Феодосійскаго Градоначальника, Б...вскаго, было состраданіе. Дѣла дѣвки, измученныя Грекомъ Кочони, у котораго онъ были прѣостыями, не видя ни какого спасенія, съ отчаянія бросились въ море; съ тѣхъ поръ Б...вскій началъ принимать строгія мѣры къ обузданію Спартанцовъ. Все соединилось противъ него, слухи, доносы посыпались, самые невинныя его дѣянія перетолковывались, все что онъ предпринималъ полезнаго для города развалось прѣтѣсеніемъ, всякое оказанное имъ снисхожденіе названо слабостію, а малѣйшая строгость злоупотребленіемъ власти. И онъ погибъ! Лишеніе добраго имени и способностей для того, кто имѣлъ ихъ, есть нравственная омертвѣлость, въ сравненіи съ которой физическая ничто. Будучи въ крайней нищетѣ и не имѣя способствъ оставить мѣста казни, онъ бродитъ, какъ тѣнь, среди убійцъ своихъ, и учитъ осторожности Градоначальниковъ, которые бы могли быть увлечены опасныя челоуѣколюбіемъ.

И эти Греки во всемъ подобны соотчичамъ своимъ, разсѣянными по Россіи! И эти Греки, минусъ просвѣщенія, напоминаютъ предковъ своихъ, коихъ характеръ исторія сохранила! И эти Греки возбуждаютъ нынѣ живѣйшее участіе во всей Европѣ! Они коварны, злобны, мстительны, непостоянны, надменны, корыстолюбивы, болѣе Жидовъ. Отличительная же ихъ черта есть неблагодарность. Кто ихъ хорошо не знаетъ, тому не извѣстно, сколько ее выщипать можетъ въ челоуѣческомъ сердцѣ. Пусть вспомнитъ мужика, который изъ Аѣны выгнали Аристиды только за то, что онъ слылъ правдивѣйшимъ изъ мужей Республлки; пусть прочитаютъ записки Западныхъ воиновъ, этихъ Кремонесцевъ, которые отъ невѣрныхъ шли освободить Гробъ Господень; они дышатъ откровенностію людей непродвѣщенныхъ и

выставляют всю черноту Грековъ въ среднемъ вѣкѣ. Можно смѣло сказать, что изъ ста спорныхъ дѣлъ, производящихся въ портовыхъ Комерческихъ Судахъ, 99 есть по жалобамъ Грековъ, или на Грековъ; ни какой вѣры къ симъ людямъ мнѣть не возможно, вездѣ какой-то безпокойный духъ, вездѣ гнусные обманы. Если гдѣ составитъ пріятельское общество изъ 15, или 16, человекъ и замѣшается между ними одинъ Грекъ, то прощай веселіе, тотчасъ рождаются раздоръ и вражда! Ихъ много служитъ въ Черноморскомъ флотѣ, и морскіе Офицеры другихъ націй такъ хорошо это знаютъ, что формально ихъ чуждаются, и другихъ сношеній, какъ по службѣ, съ ними не имѣютъ.

Конечно, Греція была некогда, посреди всеобщаго мрака, блестящей точкой, которая, увеличиваясь, сдѣлалась источникомъ свѣта, разливагося по всему земному шару. Всякая нація имѣла свой славный періодъ, и эти самые Греки заимствовали у другихъ народовъ и потомъ усовершенствовали искусства, науки и изощряли этотъ вкусъ изящнаго, которому ны болѣе всего дивнися. За блистательною, хотя и порочною, жизнію послѣдовало продолжительное тлѣніе, воскресенія никогда не будетъ. Еще такого примѣра не было, и Персіане Фетъ-Али-Шаха совсѣмъ не Кировы Персы, и Египтяне Махмедъ-Али-Паша не построятъ пирамидъ. Магометанское варварство, какъ хладъ, все мертвитъ. Какъ отъ сильнаго мороза иритупляется ядъ всѣхъ зловредныхъ насѣкомыхъ и растений, такъ и отъ него Греки ожоченѣли; но пусть они отойдутъ, пусть, согрѣтые свободою, соединятся въ политическое тѣло, тогда мы увидимъ. Развѣ дунеть хорошій вѣтеръ съ Невы, или изъ Альбіона, разгонитъ и заглушитъ этотъ народъ.

Что намъ толкуютъ безпрестанно о Гомерѣ и Еврипидѣ, о Сократѣ и Платонѣ, о Демосенѣ и Есхилѣ, о Солонѣ и Ликургѣ, о Фемистоклѣ и Епимиондѣ? Зачѣмъ указываютъ на другихъ славныхъ Грековъ, которые позднѣе явились, на этихъ свиттелей, благочестивыхъ, краснорѣчивыхъ и златоустыхъ отцовъ Восточной Церкви? А развѣ Цари-пророки не были Іудеи, и самъ Богочеловѣкъ развѣ погнушался родиться между ними? А что такое потомство этихъ Іудеевъ? Нѣтъ, что бы ни говорили господа Филеллины, какъ бы имъ принавади тѣни великаго мущи

древней Греціи, лучи ихъ безсмертія, сквозь тьму времяя, не отражаются на этой вонючей грязи.

Люди, которые любятъ находить сходства, говорятъ, будто Греки характеромъ похожи на Французовъ, а другіе будто на Нѣмцевъ; тѣхъ, кои онаютъ многихъ Грековъ, спрашиваемъ мы: видѣли ли они хотя одного изъ нихъ веселоправнаго? Они всѣ угрюмы, мрачны и улыбаются только содѣланному ими злу. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ, они болтливы и легкомысленны, но сей послѣдній недостатокъ производитъ въ Французахъ самыя любезныя качества: обходительность, незлобіе, иногда, такъ сказать, неумышленныя одолженія, и въ самомъ простомъ Французѣ не рѣдко встрѣчаются порывы великодушія, о которомъ Греки и понятія не имѣютъ. Какъ Нѣмцы, любятъ они умствовать, но все ихъ многогѣчіе для того только, чтобъ скрыть истину, тогда какъ всякій Нѣмецъ отъ чистаго сердца ищетъ находить истину и готовъ показать ее цѣлому свѣту. Народы просвѣщенные! вы, которые такъ усердно вступаетесь за тѣхъ, коихъ не знаете, вы со временемъ будете обижаться вслѣбимъ съ вами сравненіемъ. А вы, Моллаване и Волохи, которые болѣе дуетъ вѣковъ отъ нихъ страдаете, потомки Славянъ и Римлянъ вмѣстѣ, вы, въ которыхъ недавно мы осуждали неосторожно привитые пороки, вы можете всей Европѣ дать отвѣтъ. Самая ненависть ваша къ грабителямъ и равратителямъ вашимъ уже доказываетъ въ васъ зародышъ всего добраго.

На такомъ маломъ пространствѣ и съ горстью такихъ людей, подъ влияніемъ Скасси, всякій Градоначальникъ долженъ имѣть болѣе заботъ, чѣмъ при управленіи многолюдной Губерніи. Будетъ ли тутъ время думать о какомъ ни будь полезномъ устройствѣ, особливо тогда, какъ въ 700 верстахъ отъ Одессы о всякой бездѣлицѣ долженъ оврашиваться у Генераль-Губернатора? Къ тому должно еще прибавить, что по отдаленности Керчи порядочные чиновники неохотно туда ѣдутъ; почти всѣ, которые тамъ служатъ, суть люди выгнанные и которыхъ въ другія мѣста не принимаютъ, и что всѣ они опредѣлены были Господиномъ Скасси, при началѣ учрежденія Градоначальства и ему преданы. Кто же захочетъ остаться тамъ долго Градоначальникомъ? Какъ же быть? Назначить самаго Скасси? Ожъ надѣяется много добра.

Слѣдуетъ вопросъ: если въ Керчи учрежденъ портъ для Черкесской торговли, и есть Попечитель этой торговли, то зачѣмъ тутъ Градоначальникъ? Если назначенъ Градоначальникъ, то какого же другаго Попечителя надобно? Въ такой карманной городокъ опредѣлить двухъ начальниковъ, почти равныхъ властію, значить то же, что засадить двухъ вороновъ въ канареечную клѣтку. Они будутъ драться: другой пользы не будетъ.

Вотъ что есть примѣчательнаго въ этой клѣткѣ и вокругъ ея:

1. Митридатова гора. На ней былъ Акрополисъ или верхняя часть города Пантикапей и стояли Царскіе чертоги, какъ мы въ началѣ сей Записки сказали. Вѣроятно, многія обрушенныя великолѣпныя зданія время на ней покрыло землею и ее возвысило; по крайней мѣрѣ, гдѣ ни копнись, вездѣ обломки колоннъ, капителей и мраморныхъ барельефовъ. Жители Керчи, въ невѣдѣніи своемъ, и не знаютъ, что это такое за Митридатъ: большая часть изъ нихъ полагаетъ, что онъ былъ гигантъ, превращенный въ каменную гору и засыпанный землею. Прошло близь двухъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ великій человекъ погибъ на сей горѣ, она все называется его именемъ, и вѣками сохранить его. Все великое исчезаетъ въ мірѣ, но долго, долго остается память объ немъ. Сію гору, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно уподобить одной скалѣ, брошенной среди океана, темницѣ и могилѣ чудеснаго Генія, который въ наши дни волновалъ, мучилъ и восхищалъ вселенную; она назовется его именемъ, и въ теченіе многихъ вѣковъ будетъ имъ славиться.

Митридатова гора въ утесъ стоитъ надъ проливомъ и въ низу подлѣ него самый узкій провѣздъ. На вершинѣ горы стоятъ кресла Митридаковы, на которыхъ, вѣроятно, онъ никогда не сидѣлъ: это нѣсколько довольно большихъ камней, случаемъ, или руками, сложенныхъ, между коими есть впадина, въ которую можно сѣсть; видъ съ этого мѣста во все стороны далеко простирается. Одинъ бокъ горы, который къ Керчи, довольно отлогъ, такъ что на немъ поселилась цѣлая матрозская слобода, и когда въ хижинахъ вечеромъ зажгутся огни, то съ низу взглядъ на нихъ очень пріятенъ.

По неволѣ должно теперь сдѣлать отступленіе и сказать, какаѣ это слобода. Въ Русскій портъ, Редуть-Кале, въ Мингрелии, ежегодно перевозился изъ Керчи въ значительномъ количествѣ провіантъ, частію для войскъ, тамъ расположенныхъ, частію для всего отдѣльнаго Грузинскаго Корпуса, и сіе дѣлалось посредствомъ найма каботажныхъ судовъ, которыя только подлѣ береговъ могутъ плавать, а въ самое море не идутъ. Это было сопряжено съ большими издержками для казны, и Скасси, чрезъ Ланжерона, предложилъ весьма полезное дѣло по первому взгляду. Согласившись съ симъ предложеніемъ Правительство приказало купить одиннадцать купеческихъ судовъ, оснастить ихъ, снарядить и вооружить, а для управленія ими даны флотскіе Офицеры и матросы. Вся эта операція поручена Скасси, а онъ покупалъ суда, по какой цѣнѣ и какой величины хотѣлъ, ему подчинили эту флотилію, и онъ попалъ въ Адмиралы. Кажется, все это было въ началѣ 1821 года, но отчетовъ онъ до сихъ поръ не отдалъ. Контроль ихъ отъ него требуетъ, а онъ всячески отъ того уклоняется; поживился онъ тутъ, кажется, порядочно, но не соблюлъ ни какого форменнаго порядка. Всѣ эти суда онъ перекрестилъ: одному далъ свое имя, другое назвалъ Ланжеропономъ; перевозка провіанта на сихъ транспортныхъ судахъ обходилась казнѣ дѣйствительно гораздо дешевле прежняго; матросы цѣлаго экипажа, по большой части семейные, обзавелись, построили домики, составили слободку, уможилось тѣмъ народонаселеніе Керчи, и съ умноженіемъ потребностей болѣе денегъ пустилось въ оборотъ. Флотилію эту послѣ отдали въ вѣдѣніе Градоначальника. Все это до сихъ поръ прекрасно, но вотъ что худо.

Суда были старыя и весьма непрочныя и въ шесть лѣтъ совершенно обветшали, такъ что теперь ихъ надобно бросить. По соглашенію Графа Воронцова съ Адмираломъ Грейгомъ, къ концу нынѣшняго года должно будетъ ихъ перевезть въ Севастополь, и они тамъ будутъ догнивать. Строеніе каботажныхъ судовъ прежнимъ наймомъ чрезвычайно было поощряемо, оно ежегодно умножалось, и по той пропорціи перевозка годъ отъ году становилась бы дешевле. Нынѣ, не взирая на помощь, которую даетъ казна, число каботажныхъ лодокъ въ шесть лѣтъ

много уменьшилось; каботаждъ есть жизнь Керчи, какъ мы даѣе покажемъ. Теперь опять надобно будетъ нанимать ихъ по прежнему, но уже гораздо дороже прежняго; гдѣ же прибыль? Истрачено много денегъ на покупку судовъ, которыя чрезъ нѣскольکو лѣтъ ни куда не годились, и разорены бѣдные морскіе солдаты, которые теперь за безцѣнокъ начинаютъ домишки свои продавать. Вотъ какъ надобно быть недовѣрчиву къ обширнымъ планамъ этихъ смѣлыхъ иностранныхъ прожектеровъ, которые всегда одну свою только пользу имѣютъ въ виду.

2. Крѣпость, построенная Турками, вѣроятно, для обороны со стороны пролива, ибо съ Митридатовой горы весь гарнизонъ можно забросать камнями. Въ ней примѣчательнаго есть одна древняя башня, говорятъ, еще Генуезская, и церковь, коей времени основанія никто хорошенько не знаетъ. Она должна быть очень древняя, ибо часть ея вошла въ землю, но остальное довольно высоко подымается. Куполъ ея поддерживается четырьмя мраморными столбами, а помостъ составленъ весь изъ мраморныхъ плитъ, разной величины, на коихъ высѣчены разныя фигуры, кои служили совсѣмъ для другаго употребленія. Эта-то церковь была убѣлена Г. фонъ Деномъ. При Туркахъ она была мечетью, у входа ея стоитъ высокій минареть, который нынѣ служить колокольной.

3. Музей. Онъ открытъ только въ 1823 году, подъ управленіемъ Г. Бларамберга и покаместъ помѣщается въ домѣ одного Француза, Шевалье дю Брюкса. Собраніе древностей дѣлается съ успѣхомъ; теперь находится уже въ Музеѣ большое количество Воспорскихъ медалей, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, урны съ пепломъ умершихъ, большія амфоры, въ которыхъ древніе хранили вино и деревянное масло, лакриматоріи разныхъ составовъ, формъ и величины, глиняные сосуды и маленькія статуи, очень хорошо сохранившіяся. Пять, или шесть, колоссальныхъ мраморныхъ торсовъ и множество обломковъ архитектуры и скульптуры, въ которыхъ знатоки находятъ искусство и прекрасную отдѣлку, дѣлаютъ сіе собраніе весьма любопытнымъ. Есть также много очень хорошихъ золотыхъ вещей, вѣнецъ изъ золотыхъ листьевъ, отрытый въ могилѣ какой-то Царицы, пропасть золотыхъ перстней съ рѣзными камнями, браслеты, и прочее, и прочее.

Директоръ сего Музея, Г. Бларамбергъ, живетъ въ Одессѣ, рѣдко и на короткое время прїѣзжаетъ въ Керчь, и отъ того-то медленно умножается сія коллекція. За ся храненіемъ имѣеть присмотръ мѣстное Начальство.

Конечно, для любителя древности нигдѣ почти нѣтъ столь богатой жатвы, какъ въ окрестностяхъ Керчи. До сихъ поръ насчитали 1,200 кургановъ, но и половины, кажется, не сосчитали: немногіе изъ нихъ взрыты и всѣ почти не по напрасну, остальное можно считать неисчерпаемымъ источникомъ. Когда открываютъ курганъ и найдутъ въ немъ разные предметы въ Греческомъ вкусѣ, то надобно рыться еще глубже въ землю: тамъ находишь другія гробницы народовъ, нынѣ уже не извѣстныхъ. Эти подземелья весьма пространны; обыкновенно въ нишѣ или впадннѣ находишь человѣческія кости, близъ которыхъ, на каменномъ столѣ, почти всегда каменная чаша и желѣзныя орудія, копья и стрѣлы, а немного поодаль, на каменномъ канапѣ, скелеть лошади.

Когда приведутся въ исполненіе намѣренія Графа Воронцова построить особое зданіе для Музея, опредѣлятъ къ тому особливаго чиновника, который бы имѣлъ постоянное пребываніе въ Керчи, и начнутъ систематически, по порядку, разрывать курганы, то собраніе Керченскихъ древностей будетъ одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ. Θεодосія имѣеть также свой Музей, но только по одному названію; онъ находится подъ надзоромъ Доктора Граперона, который столь же мало смыслилъ въ Археологіи, какъ и въ Медицинѣ, а какъ Французъ, берется за все, и сей Музей только богатъ вещами, похищенными у Керчи, когда сей городъ былъ подвластнымъ Θεодосіи. Большіе споры идутъ о томъ между Гг. Бларамбергомъ и Граперономъ, особливо же за одного грифона, высѣченнаго на мраморѣ. Этотъ грифонъ былъ эмблемою Паптикапей, украшалъ

* Господинъ Бларамбергъ, столь страстно любящій древность, имѣеть еще другую страсть: говорить каламбуры и играть словами. Въ нетерпѣивн своемъ онъ говоритъ: «Il faut absolument que je mette la griffe sur ce grifphon;» на что ему кто-то отвѣчалъ: «Cela sera difficile, parceque Graperon a mis le grapin dessus.»

долго ворота Керченской крѣпости и насильственно завладѣльцъ Θεодосіа.

4. Старый Карантинъ, находится въ семи верстахъ отъ Керчи, немного повыше того мѣста, гдѣ въ старину была Нимфея, а лѣтъ двадцать тому назадъ большая прекрасная и густая роща фруктовыхъ деревьевъ, на горѣ, по горѣ и подъ горою. Это самое заставило выбрать сіе мѣсто, по ореди обнаженной степи, для учрежденія на немъ Карантинной заставы, хотя тутъ стояніе для судовъ самое невыгодное, по близости къ Черному морю. Стремленіе вѣтровъ при истокѣ пролива бываетъ ужасное, и по рѣдко гибли корабли.

Небреженіемъ и варварствомъ каторжныхъ чиновниковъ, которые въ Карантинную заставу опредѣлялись, роща совсѣмъ истребилась: чтобы не покупать дровъ, они рубили деревья и ими топили печи. Теперь всего осталось деревьевъ съ тридцать, грушевыхъ и миндальныхъ, и нѣсколько кустовъ очень хорошаго винограда. Попеченіемъ послѣдняго Директора Карантиннаго дому, Бородина, который, какъ Цицинагъ, оставилъ мечъ для мирныхъ занятій и обработыванія земли, и опять взялся за него и сражается теперь съ Персіянами, разведенъ довольно большой разсадникъ молодыхъ деревьевъ и посажено бездна цвѣтовъ. Строенія сего Карантина нынѣшнимъ лѣтомъ опустѣли, одинъ только домикъ прибранъ и передѣланъ для жительства Градоначальника. Мѣстоположеніе прекрасное, и если сдѣлать тутъ хуторъ или дачу и попадетъ оно къ рукамъ, то сдѣлается украшеніемъ для Керчи и весьма пріятной прогулкой.

5. Новый Карантинъ, построенный по проекту Инженернаго Генерала Потье и оконченный въ нынѣшнемъ году, находится въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, къ сѣверу, и слѣдственно, почти на половинѣ дороги къ Еникале.

Множество большихъ строеній и магазиновъ чрезвычайной величины, на великомъ пространствѣ, окруженномъ двойною каменною стѣною, и хорошо укрѣпленная пристань дѣлаютъ сего Карантинъ первѣйшимъ въ Россіи и не послѣднимъ въ Европѣ. Допросныя, окурныя, маркитанскія, пассажирскія комнаты, парлаторіи, чуинный кварталъ, все выстроено и отдѣлано прекрас-

и на такомъ мѣстѣ, гдѣ суда, какъ на дворѣ, безопасно стоять могутъ. Десять тысячъ погонныхъ сажень или пять верстъ каменной высокой стѣны, не считая кровель, окончинъ, печей, половъ и дверей, и все это стоило 347 тыс. рублей. Такое чудо дано было сдѣлать Графу Воронцову; подъ его личнымъ распоряженіемъ и его стараніями сдѣланы въ Одессѣ торги и подряды.

Хвала ему! Какъ искусному Генералу, ему случилось съ малымъ числомъ войскъ бить непріятелей; какъ искусный Правитель, онъ умѣетъ съ малыми средствами дѣлать великое. Сей человекъ, столь щедрый на собственные деньги, бываетъ всегда расчетливъ, бережливъ и почти скупъ, когда дѣло идетъ о казенномъ, или общественномъ, интересѣ.

6. Бугазскій Мѣновой Дворъ. Впадая въ Черное море, рѣка Кубань образуетъ обширный заливъ, губу, лиманъ или бугазъ. Отъ Анапы идетъ на сорокъ верстъ узкая коса, которая, отдѣляя сей бугазъ отъ моря, оставляетъ пространство мѣсте версты, для соединенія ихъ. На самой сей переправѣ построены Мѣновой Дворъ, говорятъ, будто съ Черкесами. Спрашивается, за чѣмъ онъ тутъ? Съ Кавказскихъ горъ развѣ только птицы могутъ летать къ этому мѣсту, минуя Анапу. Абазинцы пойдутъ ли промѣнивать свои товары, сорокъ верстъ далѣе и за границу, когда все потребное могутъ они найти подъ руками, въ Анапѣ? И не ужели Турки такъ глупы, что они станутъ способствовать этой мѣлѣ? Они никого и ничего не пропустятъ.

Такъ угодно было Скасси. Мѣновой Дворъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ, хотя въ маломъ видѣ. Ни какихъ товаровъ въ немъ нѣтъ, ни одинъ Черкесь не является, и пассажировъ, кромѣ Грузинъ и Армянъ, захваченныхъ Горцами и убѣжавшихъ отъ неволи, тамъ не бываетъ. Доходу съ этого Двора получаетъ казна ежегодно отъ 16 до 18 рублей, а что стоитъ его содержаніе? Этого мало. Надобно было Скасси, чтобы построить большое зданіе, но для дешевизны, изъ битой земли съ глиной и на топкомъ мѣстѣ. Это зданіе въ одно время и строилось и разваливалось, чрезъ годъ, или два, все обрушится, а стоитъ оно казны 95 тысячъ рублей. Предвидя сіе, Градоначальникъ Б...скій, хлопоталъ, чтобы, на первый случай, сдѣлать, для пробы,

строение тысячъ въ пять, Скасси возопилъ противъ того и умѣлъ убѣдить даже самого Графа Воронцова, который согласился все строение начать въ одно время.

Участіе, которое принимаетъ Скасси въ существованіи Бугазскаго Мѣноваго Двора, объясняется слѣдующимъ: чрезъ него онъ имѣетъ сношенія съ Анапскимъ Пашей, разумѣется, не клонящаяся ко вреду государства, не для измѣны, а только для своей корысти. Получаемую имъ соль безданно, безошлинно, онъ отправляетъ не къ Черкесамъ, а дорогою цѣною продаетъ Туркамъ, а тѣ еще дороже перепродаютъ ее Горцамъ: вотъ весь барышъ этого Мѣноваго Двора.

7. Темрюкъ, селеніе Черноморскихъ Козаковъ, близъ Азовскаго моря, находится въ 90 верстахъ отъ Керчи и входитъ въ округъ Керченскаго Градоначальства. Окрестности его, болѣе нежели гдѣ, усыпаны курганами; утверждаютъ, что тутъ было удѣльное помѣстье Воспорскихъ Царицъ; и дѣйствительно, во множествѣ находимыя тутъ медали и памятникъ какой-то слабой Царицы Комосаріи, подкрѣпляютъ сіе мнѣніе.

8. Еникале. Крѣпость и городокъ въ Азіятскомъ вкусѣ, илдутъ террасами съ горы и до самаго моря, съ коего видъ на нихъ живописенъ. Внутренность города весьма неопрятна, но строенія, хотя не весьма прочныя, больше чѣмъ въ Керчи, и странностію формъ, равно какъ и цвѣтовъ, коими испещрены, привлекаютъ на себя любопытный взоръ путешественниковъ. Около Еникале болѣе всего ловится рыбы, и его можно назвать отечествомъ балыковъ.

9. Маякъ, построенный въ трехъ съ половиною верстахъ на сѣверъ отъ Еникале, у самаго входа въ Азовское море, на счетъ Таганрогскаго купечества; довольно высокая башня, около которой нѣтъ ни какого жилья. Ничего не можетъ быть печальнѣе ея окрестности. Маякъ сей освѣщается только въ мрачныя осеннія ночи, онъ зависѣлъ отъ Таганрогскаго Градоначальства, но скоро долженъ поступить въ вѣдѣніе Керченскаго

Ширина Керченскаго пролива или Босфора не во ~~всѣхъ~~ ~~частяхъ~~ ~~равная~~: одинъ Таманскій заливъ входитъ болѣе ~~тридцати~~ ~~тридцать~~ ~~верстъ~~ ~~внутрь~~ ~~земли~~. Керченская бухта ~~идетъ~~ ~~на~~ ~~тридцать~~ ~~верстъ~~ ~~внутрь~~ ~~земли~~.

сяцемъ отъ Павловской батареи до безыменнаго мыса и имѣть въ окружности болѣе двѣнадцати верстъ. Двѣ косы: одна, сѣверная, къ Еникале, а другая, южная, къ Павловской батарее, съ противоположнаго берега, подходятъ на разстояніе шести верстъ, а фарватеръ болѣе версты нигдѣ ширины не имѣетъ, такъ что мимо двухъ укрѣпленій ни одно судно прокрасться не можетъ; оно всегда отъ нихъ будетъ на пушечный выстрѣлъ.

Въ сихъ мѣстахъ томлюсь я уже нѣсколько мѣсяцевъ, скитаюсь по берегамъ этого Босфора, не встрѣчаю ни одного давно знакомаго лица, не слышу занимательныхъ разговоровъ, не имѣю съ кѣмъ бы обмѣнять одной мысли. Все вокругъ меня пусто, печально, погорѣло. Не знаю, когда наступитъ минута избавленія моего, и не утѣшаюсь даже возможностью быть полезнымъ. Говорятъ, будто я здѣсь начальствую, но люди, съ которыми осужденъ я жить, соединяя варварство съ хитрою злобою и невѣжество ума съ развратомъ сердца, хотя и низко мнѣ кланяются, но къ прямодушію моему питаютъ сильную ненависть. Положиться ни на кого и ни на что не могу. Я не похищалъ небснаго огня, а какъ Прометей, котораго баснословіе приковало къ Кавказу, я пригвожденъ къ мѣстамъ, ему сосѣдственнымъ, и пуце ястреба съѣдаетъ меня грусть.

Мысленно переношусь я иногда въ счастливыя мѣста и времена, когда я былъ молодъ, здоровъ и веселъ, когда безопасно текла жизнь моя или въ кругу родной семьи, или въ кругу друзей и пріятелей, мнѣ небомъ дарованныхъ. Въ поднебесную возносятся меня сіи воспоминанія, но за то, какъ тяжело упадаю я опять потомъ въ сію пропасть, въ сію Керчь!

Когда глѣсныя мои страданія дадутъ мнѣ отдыхъ, когда больное, слабое зрѣніе мое не много прояснѣетъ, то скорѣе берусь я за перо: оно здѣсь мое единственное утѣшеніе. Безъ всякаго плана, а только для разсѣянія своего, принялся я описывать все видѣнное, слышанное и читанное мною о мѣстѣ пребыванія моего и даже о всемъ краѣ. Богъ вѣсть, какъ составилась, наконецъ, толстая тетрадь: кто будетъ читать ее? По крайней мѣрѣ, я постараюсь скрыть ее отъ всѣхъ глазъ, и развѣ

самымъ искреннимъ; самымъ снисходительнымъ знакомымъ, рѣшусь когда ни будь ее показать.

О вы, почтенные друзья мои, которые служили мнѣ образцами въ молодости, были опорой и утѣшеніемъ всей жизни моей, и теперь, когда дряхлость меня пришибла, когда въ безлюдномъ, безотрадномъ заточеніи кончается неудачное мое служеніе, остались моимъ послѣднимъ упованіемъ, можетъ быть, доидеть до васъ когда ни будь сія записка! Если вы загляните въ нее, то вы не будете слишкомъ строги, вы вспомните, что мнѣ и на мысль никогда не приходило быть авторомъ. Какъ узникъ, для развлеченія, мараетъ углемъ стѣны темницы своей, такъ я симъ нескладнымъ описаніемъ облегчалъ иногда неизъяснимую тоску моего сердца.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Въ сей Запискѣ вездѣ хвалили мы намѣренія Правительства учредить въ Керчи портъ, указывали на сіе мѣсто, какъ на самое выгодное для торговли, и въ то же время не совсѣмъ выгодно отзывались о Г. Скасси, который подалъ объ этомъ мысль и всѣми силами поддерживаетъ ее: чтобы не быть обвиняемымъ, должно объясниться.

Во первыхъ, мысль сія принадлежитъ не Скасси; а Дюку де Ришельё. Онъ гораздо послѣ ее себѣ присвоилъ, и тогда только, когда увидѣлъ совершенную неудачу свою съ Черкесами. Но и тутъ ему только хотѣлось своротить вниманіе Правительства и направить его на другой предметъ, гдѣ бы еще нѣсколько лѣтъ ему можно было обманывать.

Надобно напередъ спросить: какаѣя торговля можетъ быть съ Кавказскими народами, и въ чемъ она состоитъ? Вотъ отвѣтъ:

Можно дѣлать условія съ дикими, которые близки еще къ первородному состоянію человѣка: они умѣютъ еще хранить свя-

гость слова. Но какой трактатъ, какія клятвы могутъ связать людей, между коими отцы и матери малыхъ дѣтей учатъ воровать, между коими тотъ пользуется уваженіемъ, кто отличился обманомъ, внезапнымъ нападеніемъ на сосѣда и пріятеля и похищеніемъ его стада и рабовъ, людей, у которыхъ нѣтъ ни какой вѣры, и какое-то, перемѣшанное изъ Христіянства и Магометанства, суевѣріе заступаетъ ея мѣсто?

Взаимныя потребности дѣлаютъ между народами торговлю необходимою. Въ главномъ городѣ Черноморскихъ Козаковъ, Екатеринодарѣ, и въ устьѣ Лабимской крѣпости, уже давно учреждены Мѣновыя Дворы съ Черкесами. Что туда привозится и что обмѣнивается? Козаки отпускаютъ имъ одну только соль съ своихъ озеръ, въ которой они имѣютъ нужду, и получаютъ отъ нихъ олени рога, въ маломъ количествѣ шкуры волчьи и шакаловы, да лѣсъ, и то не строевой, а только для топлива. Вотъ чѣмъ все ограничивается, и безъ совершенной перемѣны въ положеніи силъ народовъ ни какъ умножиться не можетъ. Надобно еще замѣтить, что въ Екатеринодарѣ и Усть-Лабимской крѣпости одна только Кубань отдѣляетъ Горцевъ отъ Россіи, и что въ Керчь и въ надобно гораздо далѣе ити.

Всѣ нужды свои могутъ Горцы удовлетворять дома: изъ шерсти, которую даютъ имъ стада, ихъ жены ткутъ очень порядочное сукно, онѣ же плетутъ такъ искусно серебряныя тесьмы, которыми Черкесы украшаютъ свои наряды. Они сами научились дѣлать обыкновенныя оружія, Турки доставляютъ имъ стволы ружейные и сабельныя клинки, а они уже ихъ отдѣлываютъ и натачиваютъ. Какъ быть съ ними? Они въ насъ ни какой нужды не имѣютъ. Одни говорятъ, что надобно напередъ просвѣтить ихъ и познакомить съ нашими обычаями, чтобы послѣ поработить, а другіе, что прежде должно ихъ покорить, а потомъ думать о ихъ преобразованіи. Наизъ кажется, что и то и другое есть дѣло весьма трудное, но возиожное, и что оба вмѣстѣ начать, искусно и усердно за то принявшись.

Прежде всего должно Туркамъ заградить путь, отнять Анапу, Суджукъ-Кале и другія укрѣпленія по восточному берегу Чернаго моря, и поставить, если нужно, эскадру, которая бы круглый годъ крейсировала и никому не давала бы приставать

къ берегамъ. Раздѣлены будучи ущельемъ, по которому вытекаетъ Терекъ, гдѣ учреждена военная дорога и построена Владикавказская крѣпость, отдѣлены будучи съ юга отъ Азіятскихъ народовъ, вновь пріобрѣтенными Закавказскими провинціями, съ востока Каспійскимъ моремъ, съ запада отъ Турокъ Чернымъ, съ сѣвера имѣя границей Кубань, Куму и Терекъ, издобио, чтобы, куда бѣ они ни сунудись, вездѣ встрѣтили Россію, карающую, сильную и вѣдѣть съ тѣмъ милосердную и правосудную въ покореннымъ.

Кажется, это была мысль Генерала Ермолова. Его Корпусъ малочисленъ, а велико было пространство земель, ему ввѣренныхъ. Присылаемые рекруты не скоро могли быть годными для службы; потребно было время, чтобы пріучить солдатъ къ климату, къ опасностямъ, трудностямъ и образу тамошней жизни. за то берегъ онъ ихъ, какъ зѣницу своего ока. Сии недостатки долженъ былъ онъ замѣнять этимъ страхомъ, который разсѣвалъ онъ вокругъ себя между злодѣями, его окружающими. Его грозное имя въ горахъ съ ужасомъ произносилось, маленькихъ дѣтей имъ матери пугали, и онъ положилъ уже начало покоренія Горцевъ.

Заслужить любовь вѣрныхъ слугъ Государевыхъ и заставить трепетать враговъ его, кажется, вина еще не столь великая. Но Скарси считалъ это преступленіемъ, не возлюбилъ Генерала Ермолова, доносилъ, что онъ тиранствомъ своимъ мѣшаетъ ему въ исполненіи возложеннаго на него дѣла. Этотъ плюгавый червь думалъ состязаться со львомъ, и, можетъ быть, подточилъ славную молву объ немъ.

Ермоловъ имѣеть всѣ пороки и всѣ блестящія качества Русскихъ: онъ гордъ, властолюбивъ, хитеръ, а иногда жестокъ и неумолимъ, какъ они, но какъ они, онъ храбръ, уменъ и искусенъ; его можно назвать Русскимъ народомъ вкратцѣ. Онъ никогда не начальствовалъ ни арміей, ни даже корпусомъ во время войны, отличался, какъ и другіе, и самъ ни одной побѣды надъ непріателемъ не одержалъ, а любимъ какъ Суворовъ. Не побѣды и добродѣтели въ немъ любятъ, а сходство и надежды.

Кажется, надобно бы, подобно Ермолову, на нѣсколько времени отказаться отъ филантропін, вести войну съ этими народами подъ малѣйшинъ предлогомъ и всѣхъ плѣнныхъ отсылать внутрь Россіи, а мужчинъ распределять даже по кавалерійскинъ полкамъ; по прошествіи же нѣсколькихъ лѣтъ возвращать имъ свободу и отпускать доной. Еще есть другое средство. Эти народы почти безпрестанно ведутъ междоусобную войну, стараются захватить семейства своихъ противниковъ и продаютъ ихъ потомъ. Въ Редутъ-Кале можно всегда имѣть пару мальчиковъ, или дѣвочекъ, за 70 карбованцевъ или серебряныхъ рублей. Пусть Правительство воспрещаетъ, по прежнему, частнымъ людямъ дѣлать такую покупку, но пусть возметъ ее на себя. Дѣло будетъ неразрительное, но надобно стараться покупать плѣнниковъ такого возраста, въ которомъ бы имъ не возможно было забыть родину и не трудно бы было сдѣлать новыя привычки. Учитъ ихъ закону Божію, Русской грамотѣ, какому ни будь ремеслу, женить ихъ даже между собою и лѣтъ чрезъ десять позволять имъ возвратиться въ горы. Не возможно, чтобы потомъ, мало во валу, все тамъ не переимѣнилось. Но филантропійей съ такими людьми ничего не возьмемъ, они ее и не поймутъ и ей не повѣрятъ.

Впрочемъ, мы ошибаемся, можетъ быть, какъ и Г. Скасси, который теперь уже вѣрно не ошибается, но только не сознается.

Какъ часто обманъ и ложь наводятъ на истину, особенно въ Россіи, и успѣхи Скасси въ разсужденіи Керчи могутъ служить тому примѣромъ. Онъ вѣрно серьезно не думалъ, чтобы посредствомъ мнимой Череской торговли могъ сей городъ сдѣлаться знаменитымъ портомъ; ему хотѣлось только, пользуясь легковѣріемъ Министерства, имѣть большія суммы въ своемъ распоряженіи, строить, начальствовать, хвастаться, пежить и повеселиться. Онъ былъ подлѣ истины, а на нее не попалъ; видно, онъ не имѣлъ съ нею ничего общаго.

Главная и первая польза отъ учрежденія Керченскаго порта есть безопасность отъ внесенія чумной заразы. За исключеніемъ Одесскаго Градоначальства и его округа, надобно, чтобы въ Керчи былъ единственныи центральныи карантинъ для всей

Южной Россіи; если чума заберется въ карантинъ, то тамъ и надобно ее задушить; если она прорвется изъ за стѣнъ его, тогда оцѣпить Керчь; когда и тутъ ее не удержать, то весьма легко будетъ запереть Керченскій полуостровъ, проведя линию только на 30 верстъ ниже Феодосіи и до Арабата; когда онъ пойдетъ далѣе, то необходимо будетъ отдать ей въ жертву весь Крымъ и поставить стражу на узкомъ перешейкѣ Перекопа и узкомъ же Еническомъ проливѣ, а Россія все таки спасена, и на каждомъ шагу легкія средства могутъ остановить распространіе зла; но когда оно пойдетъ за Перекопъ, то надобно уже быть большому несчастію. Крымъ можно почитать обсервационнымъ корпусомъ, Керченскій полуостровъ авангардомъ, а Керчь съ карантиномъ аванпостами противъ моровой язвы, сего ужаснаго врага.

Въ Таганрогѣ и по всему Азовскому морю должно бы карантинны совсѣмъ уничтожить; они стоятъ большихъ денегъ, а на какую они потребу? Положимъ, что Константинополь и всѣ берега Чернаго моря принадлежали бы Россіи; теперь содержаніе портовыхъ карантинновъ и ихъ линій и стражи стоятъ казны до полутора милліона: во что бы тогда ихъ содержаніе обошлось? Не лучше ли бы во сто разъ было учредить одинъ карантинъ въ Царѣградѣ, укрѣпить сей единственный пунктъ, обратить на него все вниманіе, соблюдать въ немъ всю строгость и, по выдержаніи карантиннаго термина, пускать корабли гулять по Черному морю и приставать, гдѣ имъ угодно. Все это было бы и легче и безопаснѣе. Отъ большаго къ малому: Керчь, въ отношеніи къ Азовскому морю, точно тоже, что Константинополь къ Черному, сама природа поставила тутъ заставу, и суда ходили бы въ Азовское море только на практику.

Какъ трудно на большомъ протяженіи береговъ не просмотрѣть иногда тайно пристающую лодку; какъ трудно положиться на Козаковъ, которые обыкновенно содержатъ кордонъ, на сѣхъ хищныхъ и храбрыхъ людей, которые любятъ деньги и столь же мало боятся чумы, какъ и сабельныхъ ударовъ, чтобы они иногда за рубль всякую всячину не пропустили! Въ Таганрогѣ, можно сказать, одна только мнимая предосторожность отъ чумы; брандтвахта стоитъ далеко отъ города, а еще далѣе отъ нея

могутъ стоять корабли, и она видитъ только верхи ихъ мачтъ. Пассажиры, сколько хотятъ, могутъ сообщаться между собою и съ кѣмъ хотятъ.

Вотъ какой ходъ имѣла доселѣ торговля съ Таганрогомъ. Корабли, пройдя Черное море, останавливались въ Керчи, выдерживали шестидневный обсервационный только терминъ, тутъ отдѣлялись товары, сомнѣнію не подверженные, и отправлялись въ Таганрогъ, гдѣ людянь и судамъ все таки полный карантинъ выдерживать надлежало; товары же, приемлющіе заразу, посылались въ Феодосію моремъ, слишкомъ сто верстъ назадъ, и по выдержаніи карантина, или по очищеніи ихъ посредствомъ газа, могли быть отвезены въ Таганрогъ. Изъ Керчи давались по два гвардіона изъ отставныхъ солдатъ на каждое судно, идущее въ Таганрогъ, дабы они наблюдали, чтобъ не было сообщенія между судами и не было бы на нихъ тайно провозимыхъ товаровъ. Эти гвардіоны на самомъ небольшомъ окладѣ, и потому за бездѣлицу готовы сказать и позволить дѣлать, что шкиперу угодно. Еще случается, что во время бури на Азовскомъ морѣ, суда требуютъ помощи, и получаютъ ее отъ береговыхъ жителей, которые потомъ ни какъ не объявляютъ о томъ, что имѣли сообщеніе, и кому то видѣть и доказывать? Какія ужасныя затруненія для торговли, и все по пустому, опасность таже. Одинъ Богъ спасаетъ Россію, ибо если чума въ Таганрогѣ, то ни что ее не оставитъ, и она въ Москвѣ.

Теперь будетъ иначе: съ открытіемъ порта въ Керчи, могутъ суда выдерживать здѣсь весь карантинный терминъ и очищать товары, не дѣлая въ Феодосію понапрасну взадъ и впередъ двѣсти верстъ. Когда прежде были въ Керчи одна карантинная и таможенная заставы, то представить себѣ нельзя, какіе служили тутъ люди! Не много лучше тѣхъ, которыхъ посылаютъ работать въ рудники, и по сю пору есть еще изъ нихъ оставшіеся. Въмѣсто шестидневнаго обсервационнаго термина, и шести часовъ суда не останавливались, товары безъ соблюденія малѣйшей предосторожности, безъ пошлинь и самые запрещенные, были впускаемы: это была открытая дверь для контрабанды; по бѣдности края, къ счастью, не много и требовалось. Керченскіе Греки получали отъ того большую пользу; они вопіютъ теперь

противъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ Градоначальниками, и говорятъ, что закрыли, а не открыли, Керченскій портъ: И здѣсь также Провидѣніе берегло Крымъ.

Еще разъ должно повторить: по всему Азовскому морю и въ Таганрогѣ ничего карантиннаго не нужно; это одна лишняя издержка. Лучше и проще будетъ, всѣ предосторожности сосредоточить въ Керчи, назначить въ сей карантинъ опытныхъ и надежныхъ чиновниковъ, а потомъ уже возложить на Градоначальника самую строгую отвѣтственность. По выдержаніи здѣсь карантина, пускай корабли всякой величины идутъ себѣ въ Азовское море, если хозяевамъ ихъ будетъ охота. Тогда только можно будетъ ручаться за безопасность Россіи.

Азовское море, по увѣренію Дюрю де Ламала, со временъ Геродотовыхъ, уменьшилось на цѣлую треть. Съ каждымъ годомъ упадаютъ его воды примѣтнымъ образомъ; низкіе берега его, большіе заливы и великое число озеръ, въ близкомъ разстояніи отъ него находящихся, показываютъ, какъ далеко оно прежде простиралось. Теперь его почитать должно болѣе Донскимъ лиманомъ, чѣмъ моремъ; всѣ морскія карты, которыя съ него снимались, невѣрны, ибо каждый годъ переносятся его мелі: гдѣ была прошлаго года подводная песчаная коса, тамъ нынѣ стало глубоко, а гдѣ была глубина, тамъ обмелѣло. Суда, которыя берутъ болѣе двѣнадцати футовъ воды, по немъ ходить не могутъ, бури бывають на немъ сильнѣе, чѣмъ въ самыхъ большихъ моряхъ, пристать почти негдѣ, и болѣе пяти сотъ верстъ должно снѣ моремъ ити.

Одна крайняя необходимость заставляетъ бѣдныхъ мореплавателей и купцовъ подвергать себя на немъ чрезвычайнымъ опасностямъ. Учрежденіе порта въ Керчи всѣхъ ихъ радуеть; они надѣются, что торговля вся изъ Таганрога перейдетъ сюда, и что всѣ нужные имъ предметы будутъ доставляться къ нимъ оттуда посредствомъ каботажныхъ судовъ. Намъ случилось чрезъ переводчика толковать о томъ съ шкиперами; на вопросъ: не будетъ ли имъ дороже обходиться покупка Русскихъ товаровъ, когда продавцы ихъ должны будутъ дѣлать новыя издержки, плата за транспортъ ихъ отъ Таганрога въ Керчь, и сами они по той пропорціи не будутъ ли возвышать цѣну товаровъ, ими привозимъ

выхъ? Они отвѣчаютъ, что если счесть опасности, съ плаваніемъ во Азовскому морю сопряженныя, всѣ ихъ риски, большіе проценты, которые должны они платить, застраховывая товары и суда, и болѣе всего время, которое они теряютъ, то теперь должны они товары свои гораздо дороже продавать, чтобы получить какой ни будь барышъ. Дѣйствительно, вмѣсто одного рейса, который могутъ они сдѣлать каждый годъ въ Таганрогъ, три раза могутъ они прійти и уйти изъ Керчи; противные вѣтры въ Азовскомъ морѣ, льды, которые долго покрываютъ устье Дона, и ранняя зима, мѣшаютъ тому въ Таганрогъ.

Надобно знать, что это такое Таганрогскій портъ. Когда постоянно дуютъ Сѣверовосточные вѣтры, то вода на двадцать верстъ отъ него уходитъ, иногда приближается къ нему, но рѣдко касается его берега. Приходятъ корабли въ Таганрогъ: говорятъ, пришли въ него тѣ, которые никогда не бывали, спрашиваютъ, гдѣ же портъ, гдѣ же городъ? Имъ указываютъ, и они, съ помощію зрительной трубки, едва могутъ ее открыть. Многочисленное сухопутное войско могло бы эту гавань обратить въ поле битвы. Царское Село можно также назвать портовымъ городомъ, какъ и Таганрогъ. Хотѣли рыть въ немъ новую гавань, исправить и продлить молы; восемь милліоновъ исчислено на то по сибѣ, ихъ будетъ недостаточно, и все будетъ по пустому.

Умершій уже нынѣ Государственный Контролеръ, Баронъ Кампенгаузенъ, бывшій долго Таганрогскимъ Градоначальникомъ, человекъ чрезвычайно умный, ученый и благонамѣренный, былъ ослѣпленъ на счетъ Таганрога, какъ мать, которая не видитъ пороковъ дѣтей своихъ. Онъ такъ сильно былъ убѣжденъ въ выгодахъ Таганрогской торговли, такъ искусно умѣлъ изображать ихъ, что, имѣя доступъ къ покойному Государю, и его заставлялъ любить сей городъ, съ именемъ котораго теперь неразлучны самыя горестныя воспоминанія.

Когда съ такимъ портомъ, изъ котораго товары везутся верстъ пять, или шесть, на тѣлеггахъ, грузятся потомъ на маленькія лодки, на нихъ подвозятся къ кораблямъ, и тамъ уже окончательно перегружаются, когда со всѣми неудобствами плаванія по Азовскому морю, торговли идетъ довольно хорошо, то чего можно ожидать, когда умножится число каботажныхъ судовъ

и товары на нихъ будутъ привозиться къ безопасному порту, къ которому отовсюду подходитъ будетъ близко и легко? Теперь не многіе смѣльчаки дерзаютъ пускаться къ Таганрогу, тогда число купцовъ и требованій на пшеницу, коровье масло, холстъ, икру, сало, желѣзо и прочее и прочее утроится: выгоды, которыя получаютъ отъ того внутреннія Россійскія Губерніи, неисчислимы. Если даже каналомъ и не соединять Волгу съ Дономъ, но только чтобъ хорошенько населить это шестидесятиверстное пространство между Дубовской и Голубинской станціи, и взята бы была привычка возить этимъ волокомъ, то изъ Сибири потекутъ товары въ Черное море и далѣе.

Каботажъ! Каботажъ! На размноженіе его должно быть устремлено все вниманіе мѣстнаго Начальства; онъ будетъ новою отраслюю народной промышленности. У насъ очень мало купеческихъ кораблей: онъ будетъ основаніемъ купеческаго флота, изъ прибрежныхъ жителей, особливо же изъ Черноморскихъ Козаковъ, онъ образуетъ хорошихъ матросовъ для сего флота, а уже о прибыли, которую получаютъ хозяева каботажныхъ судовъ, и говорить нечего. Теперь, говорятъ, таковыхъ судовъ есть до трехъ сотъ; Правительство помогаетъ всякому, кто хочетъ строить новыя, ссудою 4 т. рублей, число ихъ умножится; но какъ бы ни увеличилась торговля, восьми сотъ будетъ достаточно для всѣхъ торговыхъ операцій по Азовскому морю.

Большую взаимную помощь могутъ ожидать другъ отъ друга Керчь и Мелитопольскій уѣздъ, который заключается между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ. По берегамъ его, лѣтъ съ двадцать тому, поселились Менонисты и составили Нѣмецкія колоніи; трудолюбіе произвело чудеса: колоніи эти похожи на прекрасныя сады, между коими разбросаны опрятныя домики; хлѣбопашество, пчеловодство, садоводство, все въ лучшемъ состояніи, всякія ремесла производятся съ успѣхомъ. Такой примѣръ не могъ остаться безъ подражателей, онъ имѣлъ чрезвычайно полезное вліяніе на сосѣдственныя Русскія селенія весьма зажиточныхъ раскольниковъ, въ великомъ числѣ за наказаніе туда сосланныхъ. Одинъ Французскій эмигрантъ, Графъ Мезонъ, изъ малого числа иностранцевъ, кои принесли Россіи существенную пользу, поселился между кочующими вокругъ Ногайцами, ~~принадле~~

шь образъ жизни, получилъ ихъ совершенную довѣренность, и безпрестанно показывая имъ на счастливую жизнь трудолюбивыхъ Нѣмцевъ, старался и ихъ склонить къ домоводству. Одинъ Богъ знаетъ, какихъ трудовъ ему это стоило; онъ лишился здоровья, а въ одной изъ дракъ между семи бѣшенными, иногда возмущенными противъ своего наставника и благодѣтеля, ему переломили ногу. Но съ постоянною, непреклонною волею, онъ достигнулъ желаемого: Ногайцы бросили кочевать, начали строить дома и пахать хлѣбъ. Уже построенъ и городъ Ногайскъ, а Графъ Мезонъ живетъ въ Симферополѣ, въ отставкѣ и бѣдности!

Вся эта сторона, которая примыкаетъ къ Екатеринославской Губерніи и Мариуполю, а съ другаго бока къ Еничевскому промыву, населена чудеснымъ образомъ; все цвѣтетъ.... но цвѣтетъ въ пустынѣ. Жителямъ сихъ мѣстъ возитъ свои издѣлія въ Тагаирогъ далеко, дорого, и они не сбудутъ ихъ, подвозъ изъ другихъ мѣстъ слишкомъ великъ, а въ Керчь хотя и близко, но не за чѣмъ, тамъ еще ничего нѣтъ. Сообщенія съ другими частями Россіи они имѣютъ мало, все употребляется, все издерживается на мѣстѣ. Однако же, въ одномъ большомъ селеніи, Молочныхъ Водахъ, завелась ежегодная ярмарка, куда всѣ эти Мелитопольскіе жители съѣзжаются; годъ отъ году она становится богаче, разнообразіе и пестрота нарядовъ чрезвычайно на ней занимательна и четырнадцатью разными языками говорятъ тамъ торгующіе. Замѣчанія достойны также въ семь уѣздѣ: Бердянская коса, весьма населенная и принадлежащая Графу Орлову-Денисову, и Обиточная пристань, самая лучшая по всему Азовскому морю. Когда покойный Государь проѣзжалъ чрезъ сіи мѣста, то не могъ ими налюбоваться и до глубины сердца былъ тронутъ непритворнымъ усердіемъ жителей: это было за нѣсколько дней до его кончины.

Многіе думаютъ, что съ возвышеніемъ Керчи упадутъ Феодосія и Тагаирогъ, жалѣютъ о бѣдныхъ жителяхъ, которые отъ него разорятся, жалѣютъ и о потерѣ суммъ, которыя казна уже състроение и поддержаніе сихъ городовъ употребила. Если Керчь мѣсто неудобное для торговли, то чего бояться Тагаирогу Феодосіи? Этотъ новый портъ ихъ не подорветъ. А если выгоды отъ учрежденія сего порта очевидны, то за чѣмъ же упря-

миться, и для того, что уже разъ сдѣлана ошибка, не думать исправлять? Θεодосія не упадетъ, ибо уже она давно упала никогда высоко не подымалась; Таганрогъ не упадетъ, а перестанетъ только быть приморскимъ городомъ (чѣмъ онъ, впрочемъ и никогда не бывалъ) и останется весьма значительнымъ пунктомъ для торговли, складочнымъ мѣстомъ и богатою рѣчною пристанью, какъ Гжатскъ, Моршанскъ и Рыбинскъ.

Возьмемъ Географическую карту, взглянемъ на мѣсто, гдѣ находится Керчь, и внимательно рассмотримъ удивительное положеніе сего города. Положимъ, что уже онъ отстроень, богатъ и что торговля его въ полномъ дѣйствіи: на сѣверозападѣ видимъ мы Донъ, которымъ произведенія природы и искусствъ текутъ изъ самыхъ гѣдръ Россіи въ Нахичевань, Ростовъ и Таганрогъ, а оттуда каботажемъ по Азовскому морю, при попутномъ вѣтрѣ, въ полторы сутки привозятся въ Керчь; прямо на сѣверъ видимъ мы этотъ Мелитопольскій уѣздъ, которому сосѣдство Керчи даетъ новую жизнь и который безпрестанно съ нею общается чрезъ Обиточную пристань, откуда моремъ въ Босфоръ обыкновенно ѣзды бываетъ десять часовъ; Нѣмецкіе ремесленники, всякаго рода мастеровые, приходятъ оттуда и находятъ въ Керчи занятіе и хлѣбъ; на востокъ, въ виду Керчи, на противоположномъ Азіятскомъ берегу, встрѣчаемъ мы Черноморскихъ Козаковъ, между Русскими болѣе другихъ въ грубыхъ нравахъ затвердѣвшихъ людей; для нихъ вблизи свѣтитъ новый свѣтъ, долго отворачиваются они отъ него, но наконецъ привыкаютъ къ нему, получаютъ навѣкъ къ людкости и чувствуютъ потомъ потребность знанія. Не много подалѣе, верстахъ во сто, Турецкая крѣпость Анапа; она взята (или непременно будетъ взята, все равно) и сдѣлалась однимъ изъ рынковъ Керчи. По старой привычкѣ, приходятъ въ нее Горскіе народы, но находятъ уже все новое, мало по малу осмѣливаются ити далѣе, и въ Керчи узнаютъ, наконецъ, что такое Европейское образованіе. Къ югозападу сообщеніе съ Редутъ-Кале и Мингреліей бываетъ съ небольшимъ въ сутки, а если будетъ чрезъ горы и лѣса учреждена оттуда дорога къ Араксу, то можно легко будетъ получать товары изъ Персіи; въ два, три дня посѣвуютъ корабли къ Керчи отъ Анатольскихъ береговъ, изъ Сиопа и Трѣбизонда, и до-

ставляютъ отсюда все потребное для Азіятской роскоши. Къ западу весь Крымъ, который, участвуя въ успѣхахъ Керчи, будетъ ей обязанъ улучшеніемъ своего состоянія. Или вся Черноморская торговля одна только мечта для Россіи, или Керчь есть важнѣйшій ея пунктъ.

Но когда все это будетъ? Вотъ чего никто угадать не можетъ. При такомъ положеніи дѣлъ, какъ нынѣ, скоро сего ожидать нельзя. Генераль-Губернаторъ живетъ за семь сотъ верстъ и такъ пристально заняться одной Керчью не можетъ, а всякій Градоначальникъ скоро почувствуетъ всю непріятность своего положенія. Лишенный всѣхъ удовольствій жизни, въ сомнительной надеждѣ со временемъ сдѣлать себѣ имя, онъ будетъ за все отвѣчать, со всѣхъ сторонъ будетъ связанъ, ни какой почти не будетъ имѣть власти, ничего полезнаго, по мнѣнію своему, онъ предпринять будетъ не въ состояніи, и тѣмъ только будетъ озабоченъ, чтобы обороняться отъ Скасси и брзпокойныхъ Грековъ. Скоро все надоѣстъ ему, другой заступитъ его мѣсто, и также долго не останется. Въ сихъ частыхъ перемѣнахъ безъ всякой пользы будутъ проходить годы.

Если бы кто ни будь изъ военныхъ Генераловъ съ достаточными свѣдѣніями, лично извѣстный Государю и пользуясь его Монаршей милостію, согласился принять сіе мѣсто, и хотя остался бы въ зависимости Генераль-Губернатора, но ему дано бы было болѣе простора, и если бъ Скасси ему подчинили, а что еще лучше и того, и совсѣмъ бы удалили, то дѣло пошло бы тогда иначе. Еще бы того лучше, если бъ Θεодосійское Градоначальство вовсе уничтожили, весь округъ его присоединили къ Керченскому и, по примѣру Таганрога, назвали бы Градоначальника Керчь-Еникальскимъ и Θεодосійскимъ. *

На первый случай позволили бы мы себѣ предложить Правительству нижеслѣдующее:

Прежде всего, внушить Грекамъ, что Керчь перестала быть Греческой колоніей съ тѣхъ поръ, какъ она объявлена Русскимъ

Итавротскій Градоначальникъ
Скиръ и Мариупольскимъ.

также Ростовскимъ, Нахичеван-

портовымъ городомъ, что люди всѣхъ націй могутъ въ немъ жить и имѣють съ Греками равныя права на владѣнія дельтъ, озерами и прочимъ, съ чего нынѣ Греки собирають доходы дѣлять между собою, а другіе имъ за то платятъ. Новыя привилегіями должны уничтожиться тѣ, которыя дарованы въ 1777 году. Послѣ того сыщется много охотниковъ переходить съ мѣста отъ врешени до времени чрезвычайно будетъ умножаться число жителей, и наконецъ во всей массѣ поглочится Греческая чистота.

Потомъ надобно, чтобы Правительство озаботилось прискакать хотя одного капиталиста, который бы взялся построить домъ магазны и учредить контору въ Керчи, а благовременно съкупилъ бы въ Таганрогѣ большое количество пшеницы и, при наступленіи навигаціи, нанялъ бы каботажныя суда, чтобы перевезти ее, и здѣсь остановилъ бы корабли и предложилъ имъ продажу: они съ благодарностію согласятся. Отъ этого перваго шага все будетъ зависеть: обѣднѣвшіе негоціанты Феодосійскіе и такъ уже помышляютъ сюда перейти и дожидаются только, чтобы имъ подать былъ примѣръ; Таганрогскіе пришлютъ сюда повѣреныхъ, вотъ и начнется торговля. Большой необходимости нѣтъ, чтобы капиталистъ сей былъ купецъ, онъ можетъ быть Дворянинъ и помѣщикъ: на примѣръ, одинъ Русскій богачъ, именно Николай Никитичъ Демидовъ, давно уже живетъ и веселится въ чужихъ краяхъ, но не забываетъ и любить отечество и на великое общепольное въ немъ дѣло готовъ. Если бъ кто захотѣлъ возбудить его самолюбіе и патриотизмъ, то онъ бы пожертвовалъ на сіе предпріятіе большія суммы, онъ отъ того бы не разоршился, а напротивъ чрезъ то увеличились бы его золотыя горы, его бы, по всей справедливости, можно было назвать основателемъ Керчи, и онъ оставилъ бы по себѣ славную память. Стоитъ ему только прислать прикащика и деньги, — и Керчь будетъ настоящій портовой городъ.

Надобно будетъ подумать также о томъ, чтобы сократить и облегчить сообщенія Керчи съ близлежащими мѣстами. Для того надобно съ начала устроить хорошій мостъ чрезъ Еническій проливъ, который имѣетъ ширины только шестьдесятъ сажень: теперь на немъ самая дурная переправа, которая отни-

иметь охоту обозавать или гужемъ чрезъ Арабатскую стрѣлку, но, не смотря на то, болѣе шестидесяти тысячъ телѣгъ ежегодно чрезъ нее проходить. Назначивъ самую умѣренную пошляину съ каждой телѣги, можно быть увѣрену, что въ три мѣсяца окупится мостъ, а похожъ казна будетъ получать съ него порядочный доходъ.

Всего нужнѣе будетъ для здѣшнихъ мѣстъ купить пароходъ, который бы два раза въ недѣлю ходилъ изъ Керчи въ Тамань и обратно и перевозилъ бы почту и проезжающихъ Керчь стоитъ до сихъ поръ въ совершенномъ уединеніи, никто чрезъ сей городъ не ѣздитъ, до него есть почтовая станція, опять начинаютъ они отъ Тамани, но между сими городами сообщеніе прерывается иногда на нѣсколько дней, а иногда болѣе чѣмъ на недѣлю. Потому-то никто не ѣдетъ чрезъ Керчь на Кавказъ, хотя сей дорогой, по которой вездѣ есть почтовые станціи, можно бы идущимъ изъ Кіевской, Волынской, Подольской и Херсонской Губерній на Кавказъ и въ Грузію, выбросить до шестисотъ верстъ. Катера и рыбацкія лодки могутъ ити на гробѣхъ и противъ вѣтра, но должны употребить очень много времени, ни какого экипажа и ничего тяжелаго съ собой взять не могутъ, и при малѣйшей бурѣ подвержены большей опасности; одни казенныя лансоны могутъ перевозить тяжести, но они могутъ ити при благопріятной погодѣ, а частными людьми употреблены быть не могутъ. Теперь если изъ Керчи кто вздумаетъ писать въ Тамань и письмо отдастъ на почту, то оно обойдетъ все Азовское море, сдѣлаеть чрезъ Симферополь, Орѣховъ, Таганрогъ, Черкасскъ, Ставрополь и Екатеринодаръ, болѣе 1,000 верстъ, и придетъ чрезъ три недѣли, а Тамань въ глазахъ. Пароходъ соединилъ бы столь близкія и въ тоже время столь отдаленныя мѣста.

На покупку парохода и доставку его нужно будетъ, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ рублей: гдѣ ихъ взять бѣднымъ жителямъ Керчи? Надобно, чтобы казна дала ихъ займы и съ процентами. Остальные пять дней въ недѣлю будетъ пароходъ сей разскачивать по Босфору и проводить суда. Надобно знать, что хотя Керченская бухта и чудесная, но входъ въ нее опасенъ; фарватеръ глубокъ, но весьма не широкъ, вездѣ есть подводный

косы, часто суда по неосторожности попадают на мель и дают сто, двѣсти и пятьсотъ рублей, чтобы их стащили. Также и выходъ изъ Керченскаго порта, а особливо изъ Босфора, затруднителенъ: изъ тридцати двухъ вѣтровъ только подъ четырьмя можно выбраться въ Азовское море, и надобно выжидать нѣкотораго хозяева судовъ дають Богъ знаетъ что, дабы ихъ выпроводили и они могли выиграть время, отъ котораго въ торговлѣ очень много зависитъ. Пока иностранные корабли продолжаютъ ходить въ Таганрогъ, да и послѣ круглый годъ, пароходъ бы дѣйствовалъ, и въ два года навѣрно выработалъ бы сумму, достаточную, чтобы расплатиться съ казною. Послѣ того остался бы онъ для города Керчи главнѣйшимъ источникомъ его доходовъ.

Сколько еще полезнаго можно предложить, сколько еще предметовъ, коихъ усовершенствованіе, не обременяя казну, могло бы быть благодѣяніемъ для разлагающагося города! Но кто будетъ слушать наши предложенія? Кто повѣритъ въ пользу? Искусства Скасси мы не имѣемъ. Намъ не суждено видѣть счастливые дни Керчи, до нихъ еще далеко; въ ожиданіи ихъ будутъ для насъ проходить годы въ одиночествѣ, вдали отъ всего привычнаго, знакомаго, роднаго и милаго, и въ безпрестанной борьбѣ съ злобою и коварствомъ людей; такая убійственная жизнь продлится не можетъ. Пусть же другіе, здоровѣе, терпѣливѣе и счастливѣе насъ, предпринимають и дѣйствуютъ; пусть они увидятъ то, чего намъ желать только позволено. Намъ же ничего болѣе не остается дѣлать, какъ окончить сію Записку, положить перо и, можетъ быть... скоро проститься съ Керчью. Дай Богъ не видать сего города, пока онъ совершенно не преобразится!

Едва сія Записка была окончена, какъ громъ Наваринской побѣды огласилъ Новороссійскій край, и въ то же время, съ другаго конца, прилетѣло извѣстіе о покореніи Эривани и Тавриса. Какое удивительное вліяніе сіи происшествія будутъ имѣть на участь здѣшнихъ мѣстъ! Послѣ долгаго, безпокойнаго сна, какое счастливое пробужденіе! Какаѣ новыя эпохи открываются.

и какой рядъ новыхъ побѣдъ сіи первыя побѣды общають! Поклонники лжепророка опять вездѣ блѣднѣють передъ Русскими. О Русскій Богъ и Богъ вселенной! Не даромъ Тебя соотечественники мои себѣ присвоили, и сами себя, другъ друга и весь животъ свой, Тебѣ предали! Всегда и вездѣ являешь Ты себя воровомъ избраннаго Тобою народа. О Русскій Богъ! Храни же всегда Русскаго Царя и Русское Царство, и лишеннаго всѣхъ радостей земныхъ, утѣшай хотя благоденствіемъ и славою Отечества его!

Окончена въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1827 года. *